

Фортунаскрипт

Сева Лисичкин, простой студент из относительно крупного города, сидел у себя в общежитии за столом и готовился к семинарским занятиям, проводимым на следующий день, когда Севе позвонил его товарищ и практически выпалил, тараторя все слова во единую речевую цепь: “Нечего там у себя прохлаждаться, а то уж заплесневел весь, скорее всего! Давай-ка собирайся - и махом, махом в ДК развеешься! Сегодня там проводится литературный вечер, стихи будут поэты-модернисты читать, хоть какое-то разнообразие в твоей серой и бессмысленной жизни. Ишь, заучился уже весь.”

Сева недовольно поморщился. С одной стороны ему совершенно не хотелось отрываться от товарища и, раз уж позвали, использовать с благодарностью эту возможность развеешься, с другой же стороны Сева прекрасно понимал, что если он не подготовиться к завтрашнему семинару, то не видать ему отличной оценки за семестр, как собственных ушей. В конце концов он махнул рукой: “А, как-нибудь да прокатит!” Закрыв браузер, он тыкнул по кнопке спящего режима и уверенно захлопнул ноут.

На улице стояла промозглая погода, столь характерная для ранней зимы или поздней осени. Моросил дождик, переходящий в колючий снег, дул ветер, завывая и засасывая остатки пыли, смешанной с дождевой влагой, за воротник, в уши, глаза, волосы и пронизывая вообще всё тело своими льдистыми порывами. Но идти было всего лишь пару остановок, поэтому Сева решил прогуляться. Минут через двадцать, достигнув уже своего пункта назначения, он зашёл в ярко освещённую всеми правдами и неправдами залу, огляделся по сторонам в поисках товарища, параллельно не забывая внимательнейшим образом изучать стилевые особенности лепнины на стенах. В конечном счёте, товарищ Севы - Леонтий Барбарискин - приветственно протянул свои ладони, потряс лохматой гривой и жестом попросил Севостьяна подойти поближе. Волнующимся и дрожащим шёпотом Леонтий радостно сказал:

- Представляешь! Сегодня же будет сам Ямбус Дель Овациус выступать!

- Кто-кто? - Лисичкин первый раз слышал это имя.

- Да ты что! - взвился на него Барбарискин. - Известнейший поэт-постмодернист Ямбус Дель Овациус, я бы только ради него пришёл бы посмотреть на всё это действо. Круче только Горохов. Это у

которого всё то классно, то ужасно, да помнишь ты его, он выступал ещё в прошлом году в такой шапочке дико концептуальной, примерно, как у Бондачука в “Даун Хаусе”, но только пушистой, как брюхо цуцика, и немного другой. Мы с тобой ещё ходили смотреть. Фестиваль там проводился. Вспомнил теперь поэта с его шапочкой?

- Ага, был такой. Лаааадно, схожу с тобой и в этот раз... - откровенно говоря, Сева Лисичкин отнюдь даже не был любителем поэзии и не собирался становиться таковым. Он никогда не понимал этих чудаковатых поэтических позывов и потуг к тому, чтобы зарифмовать десяток-другой строк так, чтобы эта рифмовка ещё и звучала красиво, одновременно не растеряв в себе весь смысл. Подобное сочинительство всегда виделось Севостьяну чем-то сродни проявлений шизофазии или даже шизофрении, а сами стихи не то, что не ласкали, а и вовсе резали ему слух крайней противоестественностью, надуманностью и запутанностью мыслей - с чувствами, а чувств - с мыслями, которые под любым соусом подавались авторами, каким-то макарон, пытавшимися донести до своих читателей возникавшие в голове образы и идеи именно через поэтическую, а не через более лёгкую для восприятия прозаическую форму, более пригодную для передачи размышлений на расстоянии - почти что телепатически.

Лисичкину всегда думалось, что если бы эти самые авторы-поэты захотели бы, то могли бы всё то же самое, о чём вершили свои вирши с верлибрами, объяснить и рассказать буквально на пальцах и в двух словах. Но ведь неееет! Всем этим, так называемым, поэтам, чего-то ради потребовалось цеплять строчки за новые строчки собственных опусов и словеса за словеса. Так что, зачастую, получались изрядно чудаковатые образы, которые Сева не мог представить порою в самых фантастических своих снах или даже кошмарах. Тем более не была для него понятна модернистическая и постмодернистическая поэзия, воспринимавшаяся им скорее как нечто среднее между продуктом мыслительных фрустраций дам бальзаковского возраста, помноженным на итог похмельного синдрома от их вчерашних гуляний, и чем-то заборичто-дымчатым поверх смазки от всех этих и так не стооль уж внятных состояний.

По крайней мере, именно такое мнение сложилось у Севостьяна Лисичкина о большинстве постмодернистических створений в стихах, слышанных им ранее. Впрочем, специалистом он в указанной области отнюдь даже не был, а оттого слышал не стоь уж много произведений такой вот направленности. В эти тоько мгновения Сева заметил, что друг Леонтий активно что-то рассказывает, разбрасываясь словами

столь же фонтанирующим образом, как и размахивая руками, но содержание беседы понять не удалось, поскольку в этот самый момент собственно началось действие.

Выходили поэты, читали опусы, один кадр сменял всякого другого, что-то радостно и перевозбуждённо выкрикивая и чуть ли не отплясывая на сцене, бесновато трепеща в конвульсиях вдохновенной гипомании. Одних помощники обсыпали цветами, других - поливали водой. Среди поэтов был и таков, что вышел в одежде, подозрительно похожей на женскую, будучи раскршенным, как дикий племенной индеец. На голове у поэта почему-то была надета корона, тогда как на еде передввигающихся ногах - тяжеленные гири-кандалы, к лицу же было приклеено по две пары расслаивающихся театральных усов и бороды, на нос напялено горбатое и лупошарое пенсне с огромными окулярами, а над зубьями бутафорской короны вихрасто развевался огромный кустистый чуб. Аристарх аж подпрыгнул:

- Смотри, смотри! Это же и есть он!

- Кто “он”? - непонимающе спросил Сева.

- Да тот самый, про которого я тебе рассказывал, Ямбус Дель Овациус.

- Яааамбууус-Дееееель-Овааааациииус... - толстыми губами пожевал его имя Севостьян. - Всё с ним понятно. А как его на самом-то деле зовут?

- А хрен его знает. Вот поди у него сам да и расспроси.

Тем временем, Ямбус поправил свой раскидистый хохолок снобоватым движением руки, как это очень любят делать некоторые поэты со своими длиннющими и чуть ли не до пояса свисающими прядями, вздохнул, немножечко пожевал собственные губы и язык, пошмыгал носом, о чём-то подумал и протяжно прочеканил:

- Ну, вы же должны понимать... всё это... постмодерн. Уж не судите меня строго. Просто строго даже и не думайте судить. А вот лучше уж со всей строгостью, так, чтобы у меня аж пар из-за ушей пошёл. Вот это я понимаю. В том и заключается наша ответственность и свобода нашей несвободы, которой нет: в том, что каждый и из вас увидит чт-то своё или не увидит вообще ничего, и никто, пожалуй, не увидит в точности именно того, что подразумевалось, да это даже и правильно, иначе нельзя было бы узнать почувствовать ничего нового, а тогда и жить был бы прескучно, монотонно и пресно. В общем, я начинаю. Стихотворение решил поименовать “Цирк мистерий”. - и он начал почти речитативом отцокивать по нёбу щёлкающий ритм языка, читая своё стихотворение:

*Лица уюта уснули доньне,
Правит оркестром опять маскарад.
Я не спешу к этой дынной рутине –
Чудо вершится, мой жреческий брат!
Корни выросли в театральных суфлёрах,
Надиктовали на лампы парик,
Дай элевсинской мистерии порох,
Каплей сомы увядающий миг.
Нам подсказали тропой откровений,
Песенных мантр и тантрических сцен
Стены, опутав туманом мгновений
С брызгами дыма всевидящий крен.
Цирк торжествует под флагом свободы,
Мим, словно царь. Кардинал, словно плут,
Маской жонглирует вехи природы,
В струнах канатов развесив свой пруд.
Зритель ликует, грохочут фанфары,
Фарами пальцев взрывая фонтан.
Мы не на танках арийским угаром
Смачно рожаем предвечности план.
Гром комментатора, Зевсу подобный,
В Мецтли направил прожектор луны,
Степом на сцене дрожит холотропным,
Жаждет познания сей кутерьмы.
Гласом России играя на свитках,
Жар ненароком навлѣк Коловрат,
Будто рисуя в закрытых открытках
Будды безликого новый возврат.
Точные цели – мутации знаний –
Прочно засели под скрежет умов
И разорвали пороги камланий,
Мы – поколение мистерии снов!*

Сева меж тем делом разглядывал внешний облик выступающего со сцены поэта и качал головой, порицая едва уловимым мимическим движением губ: “Ох и чудо-юдо! Откуда такой заморыш выкопался-то? Ну натуральный юродивый. Шмурдяк какой-то, разве что не дымится.” После Дель Овациуса выступало ещё несколько поэтов, однако Барбарискин к ним относился как-то очень уж спокойно, нейтрально. А

после окончания поэтического вечера блохой поскакал брат у Овациуса автограф и чуть ли не интервьюировать его. Приглядевшись, Сева понял, что так и есть: Леонтий включил диктофон и уже всю задаёт вопросы, похоже, что для одной из своих будущих и, как всегда, запредельно скандальных извращённо полуперевранных статей.

- Можете дать мне автограф? - лизоблюдски вился вокруг Дель Овациуса Барбарискин, подпрыгивая от нетерпеливости.

- Разумеется! - Ямбус расписался на милостиво подставленном Леонтием форзаце сборника стихов Овациуса. Книга называлась почему-то "Ломит доломит". Почему именно "Ломит доломит", Лисичкин так и не понял. То ли стихи похожи на геологическую породу, то ли от их звучания у читателя должно ломить в ушах, то ли поэтов ломает - и они пишут такие стихи. Кто же их поймёт-то, этих поэтов. Но уже последовал новый вопрос товарища, адесованный Ямбусу:

- Можете ли Вы рассказать, что для Вас является источником вдохновения, что на Вас снисходит, что на Вас влияет?

Сева про себя лишь усмехнулся такой дистиллированно банальной формулировке вопроса и столь же банальным возможностям для ответа на таковой, но вслух ничего не сказал, да и вообще вида не подал, а поэт совершенно неожиданно дал небольшой совет через вопрос:

- Слышали о таком направлении деятельности, как исследование феноменов и моделирование ситуаций в Сфере Проекций?

- Простите, что? - недоумевал Барбарискин.

- Сфера Проекций. Научно-исследовательский центр, занимающийся данными исследованиями и разработками сейчас как раз набирает добровольцев на тестирование и апробацию собственных разработок. Я вот поучаствовал в их программе - и стихи просто полились рекой. Я Вас уверяю, если Вы поэтического склада ума, то разработки научного центра принесут вам наиредчайшие впечатления, ощущения и идеи, отпечатывающиеся в памяти на всю жизнь.

- Интересееееенно. - только и проговорил Леонтий, сглотнув слюну и захлопнув чуточку отвисшую челюсть.

- Да, у меня ведь их визитка есть. Могу Вам подарить. По сути дела, о своих впечатлениях от участия в перспективной программе, я и написал своё стихотворение. Возможно и отыскать иные слои значений. Каждый, как ууже было сказано, решает сам. Если заинтересовались - приходите туда. А мне, извините, пора - меня ждут. - буквально сунув в руку Леонтию визитку сначала свою, а затем и научно-исследовательского центра, Ямбус Дель Овациус поспешно скрылся где-то в дверях дома культуры и смешался с народной толпой.

- Любопытно, а деньги за участие в этих программах дают? - поинтересовался Сева у товарища.

- Да кто же его знает. Может, и дают. Тебе вот, как бедному студенту, деньги совсем не помешают, а меня что-то не сильно прельщает участие в сомнительных экспериментах, смысл которых мне не объяснил даже их участник. Может, я бы и поучаствовал и написал о них статейку-другую для какой-нибудь жёлтой газетёнки, но у меня уже тематикки для статей распланированы на два месяца вперёд, да плюс ещё “горячие” скандальные темы при неожиданных событиях в нашем городе. Не. Лучше уж ты поучаствуй, тем более, если деньги дают, подзаработаешь, а после я интервью у тебя возьму и напишу статейку уже по твоим словам, не растрачивая времени зря.

Барбарискин великодушно, точно бы делая одолжение, передал визитку Лисичкину, хотя было явственно видно, что дело вовсе не в воображаемой или реальной опасности, которой могут подвергнуться участники таинственных экспериментов, уж чего-чего, а храбрости, переходящей порою в откровенную безбашенность, смешанную с концентратом наглости, Барбарискину было не знаимать, что не раз помогало ему в профессиональной деятельности, да и жизни вообще. Нет, в этот раз Севе было видно совершенно точно - товарищу просто лень вваливать на себя дополнительный груз забот-работ, покуда старый горб таковых ещё не был до конца расхлёбан, так за чем же ещё что-то там делать и в чём-то там участвовать. Лень журналиста очень странно сочеталась с его повсеместностью деятельностного носования. Складывалось необычайное впечатление, что Леоонтий ленив для всего, кроме своей основной работы, ради которой он готов буквально лезть из кожи вон, но стоило шагнуть лишь чуть-чуть вправо или влево, и вот уж Барбарискина практически ничего больше не интересовало.

Сева Лисичкин, посмотрев на визитку, увидел на ней не слишком-то благозвучную, зато весьма загадочную аббревиатуру “НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО”. “Интересно, что же это обозначает?” - подумал студент, решив на следующий же день после удачного или не очень удачно отсиженного занятия-семинара, наведаться в указанное заведение, и хотя бы примерно разузнать, что там да как, и что именно мможет потребоваться лично от него, от Севы. По сути дела, наука его достаточно сильно интересовала, это было одно из тех самых перспективных направлений, от которых он ни при каких обстоятельствах отказываться не желал, и поэтому на следующий день он уже не переживал по поводу своего всё-таки заваленного семинара и

сниженного до четвёрки оценки за семестр, зато на всех крыльях, ногах и наворотсрѣнных лыжах вдохновения нѣсся со всей возможной скоростью на всех парах ии под всеми парусами именно в указанном направлении.

Найти научное заведение оказалось довольно-таки непросто. Оно находилось практически за городом, в одном из окраинных его посѣлков причѣм в каком-то закутке, втиснувшемся между двумя магазинчиками, детским садом и дворовой площадкой, окружавших научный центр со всех возможных сторон - не сказать, что Севостьян удивился данному ему раскладу вещей, ведь если бы этот центр находился где-то в центре города, то о нём бы, вероятно, знал бы каждый его житель. С другой стороны, что же заставило крупную организацию отправиться в подобную глухомань - вот в чѣм заключался вопрос. То ли у Центра не хватало средств на аренду в центре города, тогда возникал закономерный вопрос перспективности и научности проводимых вв нём исследований, то ли он был полусекретный и решил в лишний раз не светиться, этот Центр.

Решив в лишний раз не предаваться излишним в сложившихся обстоятельствах размышлениям, Сева Лисичкин зашѣл вовнутрь здания через двери, находившиеся прямо под крупной и чуточку уже успевшей окислиться от времени надписью из полуметровых в высоту алюминиевых букв, гласивших, как и следовало ожидать, “НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО” без всяких пояснений и расшифровок. Здание научно-исследовательского центра представляло собой типичнейшую коробку советский времѣн постройки: серую, невзрачную, абсолютно ничем не выделяющуюся и не отличающуюся от сотен тысяч других таких же коробок, понатыканных в разных городах всего постсоветского пространства. Но было всё-таки что-то, сразу привлекавшее внимание и, радуя глаз, не могло осаваться незамеченным, а именно, идеальный порядок, абсолютно непривычно царивший вокруг на территории Центра и внутри него.

Постройка была огорожена невысоким и, по-видимому, не очень прочным решѣтчато-металлическим забором, из чего Севостьян несколько преждевременно сделал вывод, что никаких сверхсекретных экспериментов под эгидой государства в этом Центре не проводится. За оградой здания произрастали многоветвенные пахуче-ярко-цветастые клумбы с, наверное, не менее как тремя десятками видов разнообразных цветов, и в то же самое время, в тот же самый момент все дорожки были асфальтированы и были учтены даже самые микроскопические детали гармонии: между клумбами располагались

целые сады камней и несколько, правда, разосшиеся экологические альпийские грки, с которых, журча, стекали маленькие водные ручейки, изображавшие высокогорные бурные речушки.

Пространство вокруг Центра было красиво, лаконично и крайне ухоженно обустроено. Над главным входом, выделявшемся на фоне серости стен разве что высоким парадным крыльцом, покрашенным красноватой краской на своей лицевой стороне вертикалей ступенек, висел всё та же таинственная надпись с названием организации. Также без всяких расшифровок. “Чудесная аббревиатура!” - в который раз пронеслось в голове у Лисичкина. - “А главное, такая понятная. Ну “НИЦ” - ладно, научно-исследовательский центр. Но вот всё остальное-то, это что за такая хренотень неведомая, а?” Войдя вовнутрь, студент наткнулся на хмурого пожилого вахтёра, похожего всей своей харизматичной внешностью на дореволюционного казака в отставке. Вахтёр посмотрел на него и спросил:

- Так, Вы к кому это, молодой человек?

- Д-д-да, м-м-мне бы нас-ч-чёт исс-сс-следований узнать-ть-ть-т-т-то бы. - стал от волнения заикаться Севостьян.

- Аааа! По исследованиям! Это, как его там, бета-тестирование что ль какое-то у них наверху творится, да проходите, конечно, на третий этаж, затем по коридору налево. Дойдёте до семнадцатого кабинета. Это девятая ппо счёту дверь справа.

- С-с-спасибо. - лаконично поблагодарил Севва, и не говоря больше ни слова принялся дословно выполнять данные ему охранником инструкции, поднявшись по лестнице на третий этаж. Без особого труда обнаружив требуемый кабинет, он постучался.

- Заходите. А Вы к нам по поводу? - донёсся из кабинета хорошо поставленный практически дикторский бас. Таким голосом здорово бы получалось читать патриотические политагитации, рекламировать чудодейственный прибор из трёх магнетиков для продления жизни до пятисот лет всего за девять тысяч девятьсот девяносто девять рублей или проводить сеансы массового гипноза населения по телевизору, что, в принципе, всё есть одно и то же.

- По поводу бета-тестирования. - не обнаружив препятствий к дальнейшему продвижению студент почувствовал себя увереннее и перестал заикаться.

- А. Понятно. Есть такое, всех желающих...бета-тестируем.

- И сразу вопрос...Можно?

- Можно? Это уж смотря какой вопрос. Может, и можно. А Может, и нельзя.

- Да мне бы узнать, оплата-то какая-нибудь будет за ваше тестирование?

- Мммммм. Оплата? Конечно, какая-никакая да будет. Даже если скорее никакая, чем какая, хехе. Мы своих работников уважаем, даже если они к нам нанимаются на временный срок. Давайте договор с Вами заключим теперь.

- А что там будет проводиться-то хоть?

- Не могу сказать, что конкретно там будет проводиться. У нас организация секретная, многоуровневая, гостайной окружённая, говорить ни о чём не велено. Вот кто мне сейчас даст гарантию, что я, допустим, расскажу тебе, выложу все наши тайные карты на блюдечке с голубой каёмочкой, а ты развернёшься - и всё - фюить, поминай, как звали, и расскажешь половине мира о разработках наших передовых. А с договором ты уже так просто не отвертишься, там отдельный пунктик о неразглашении имеется, да и фамилия-имя твои навеки в наших базах засядут.

Да и начну вот я сейчас болтать, а кто даст гарантию, что вон с того окна в доме напротив кто-нибудь специальным лазером не светит и колебания стекла нашего окошка не считывает да в речь не переводит. Или слабый индукционный ток, получающийся от колонок компьютера не усиливает, используя их как средство прослушки? А? У нас, конечно, глушилки всякие стоят, электромагнитное зашумление и вибрационное - слышишь, как стёкла специальный приборчик дребезжит - а всё-таки, как говорится в массах народных, перебдение недобдению предпочтительней будет! Кстати. Забыл предупредить. Выключи мобилку и вытащи батарейку. Тут тебе никаких телефонов - ни-ни! Не хватало ещё, чтобы наши секреты куда-нибудь в АНБ уплыли. Или улетели - кому как больше нравится. Мне вот никак не нравится. Так что отключай, отключай. Никакой тебе здесь техники, помни, студент, ты на территории засекреченной государственной структуры с требованиями по защите данных, относящихся к категории К1, то есть наиболее защищаемых. А ты думал тебе тут что, хухры-мухры какие-нибудь?

Сева ничего такого на самом деле про хухры-мухры вовсе и не думал, зато подумал совсем другое - что дядечка в пресоловutom семнадцатом кабинете на третьем этаже Центра оказался самой что ни на есть старой закалки, а оттого, как бы это помягче казать, немного параноится, и ему бы в самый раз было служить в госбезе где-то с полвека с хвостиком тому назад, и не исключено, что оно когда-то дак и обстояло в действительности. Подумать-то Сева подумал, но, на всякий,

случай, решил благоразумно промолчать на только что услышанную им от хозяина кабинета словесную тираду, которая и к сему моменту ещё на закончилась:

- Да и вообще, если честно, понятия не имею, что такого они там делают. У каждого свой уровень знаний. Так что, если бы и захотел, то всё равно тебе тут ничго выболтать не смог бы.

- А это не опасно? - закономерно поинтересовался Лисичкин.

- Да нет, ну что Вы, какая тут может быть опасность. Я, как уже сказал, знать подробностей не уполномочен, но скажу лишь, что находиться ты будешь в кабинете, в тепле, светел и уюте. Не бойся, не больно. У нас институт чисто психологических исследований, мы не садисты, всрывать тебя тут никто не будет. Разве что если сам после наших опытов вскрыешься по собственной воле...да шучу, шучу. - с этими словами сотрудник исследовательского центра, как бы поперхнувшись, несколько напряжённо и недобро захихикал, а, может быть, и заикал от сухомятки - Севостьяну никак не удавалось однозначно интерпретировать издаваемые сотрудником зоологические звуки, напоминающие сосредоточенное пыхтение ёжика, всюю тужащегося от запора .

- Хм. - осторожно хмыкнул Лисичкин. - Ладно, посмотрим, посмотрим.

- Так, возьмите бумаги, подпишите здесь, вот здесь и ещё вот тут.

- Сейчас читаем договор. Ага. Ага-ага. Понятно. Готово. Подписал. Возьмите бумаги обратно.

- Ну один-то экземпляр себе оставьте. Вот, приберите сразу, чтоб не потерять, а то будут ещё к нам потом претензии какие-нибудь.

- Надеюсь, что не будут.

- Когда начинаем? Готов, так сказать, к труду и обороне?

- Да хоть сейчас. Готов.

- Ууууух. Да вижу, вижу. Вот вы, молодёжь, всегда так - кровь кипит, глаза горят, а ума-то нет нисколько. Давай-давай. Проходи. Так. Тебе...тебе на четырнадцатый, а, нет, на шестнадцатый, да на шестнадцатый этаж, лучше лифтом нашим воспользуйся. Там не заблудишься. Кабинет номер сто пятьдесят шесть. Вот тебе пропуск и все необходимые бумаги. Покажешь их сотруднику - а там уж он всё сделает, как нужно. Давай, успехов тебе. - с этими словами хозяин кабинета, иак и не представившись по имени-отчеству, буквально вытолкнул Севу за дверь мягким, но настойчивым движением рук.

В указанном стопятьдесят шестом кабинете было и взаправду довольно уютно и тепло, хотя белые стены с потолком вызывали

несколько неприятные ассоциации с зубоврачебным кабинетом, равно как и не совсем понятное оборудование, стоявшее повсюду и высокое медицинского вида кресло, смотревшееся бы идеальной парой бормашине, если бы таковая здесь решилась бы поприсутствовать. Приглядевшись к обстановке, Лисичкин с облегчением понял, что ничего подобного стоматологическим принадлежностям в кабинете на самом деле не было, зато были какие-то устройства, напоминавшие не то полиграф, не то энцефалограф, не то машинку для погружения в состояния анабиоза во время межзвёздных путешествий из какого-нибудь забугорного фантастического боевика про космос, для создания которого дизайнеры, аниматоры и видеокарты графических станций приложили гораздо больше усилий, чем, собственно, актёры.

Эти мысли как-то отвлекли Севу от мрачноватых предчувствий, основанных скорее на ещё детских впечатлениях от посещения поликлиники, нежели имевших какие-то реальные обоснования, и он окончательно успокоился и расслабился, испуг сменился почти эйфорическим интересом. Увидя метания севиной души, выраженно и последовательно отштамповывающиеся через сокращения его лицевых мимических мышц, сотрудник сто пятьдесят шестого кабинета Центра рассмеялся и обнадеживающе-дружелюбным тоном произнёс:

- Не переживай, зубы тут тебе драть точно никто не будет. Здесь у нас многие по первости пугаются, а затем...затем их отсюда за уши не оттащишь. Ладно, садись. В общем, объясняю твою первоочередную задачу. Ты должен протестировать так называемую “практику равновесного плетения”. У нас здесь организация секретная настолько, что всё увиденное тобой здесь, я ещё раз напоминаю, отныне относится к гостайне, в соответствии с подписанным тобой договором и соглашением о неразглашении информации. Но довольно демагогии. - сотрудник пошарил в подписанных Севостьяном бумагах, уверенно хмыкнул и едва заметно покачал оловой, найдя потребованный лист и продолжил свою речь. - Прекрасно. Просто прекрасно. Значит, я могу тебе теперь дать дальнейшие инструкции и пояснения по выполняемым тобой действиям.

У нас здесь открыт способ идеального хранения тайной информацией, её утечка при таком способе их хранения представляется практически невозможной - их не вынесут за пределы научно-исследовательского центра не только не-сотрудники, но даже и потенциальные злоумышленники среди сотрудников по одной-единственной элементарной причине - ни одного из этих документов нет ни в Центре, ни в одной из его информационных

компьютерных сетей, систем, либо баз данных. Вообще нигде, понимаешь? И в то же время они, в определённом смысле, хранятся у нас, но только, повторяю - в определённом смысле, ты можешь обыскать Центр от самых глубин подвала до вершин чердака, но всё же так ничего и не найти - ни бумаг и ни цифровых данных, потому что все наши сведения, авно как и вся проводимая сотрудниками работа происходит в так называемой Сфере Проекций. Полагаю, ты уже мог слышать это название, но вряд ли понимаешь его истинный смысл и безграничные возможности. Каждый из наших сотрудников из своего личного кабинета погружается на нужный слой Сферы, и уже именно на этом слое и производит всю ту работу, что за ним и закрепелна по договору найма. Как ты понимаешь, со стороны увидеть, что сотрудник делает, что именно он читает и что исследует, создаёт, просто невозможно, но зато в состоянии Сферы Проекций каждый из нас взаимодействует, дополняя действиями и из результатами действия друг друга, помогая двигать прогресс в Российской Федерации и развивать его в дальнейшем.

А, так ты же не знаешь, чем является Сфера Проекций и как она устроена? Объясняю. Это состояние. Возможно, ты уже испытывал нечто подобное, когда пребывал между сном и явью на пробуждении и засыпании или неожиданно осознавал себя во сне. У тебя перед глазами могли проскальзывать реалистичные картинки, ты мог что-то почувствовать, услышать, узнать так, как если бы с тобой это происходило на самом деле - разница ощущений с реальностью хоть и имеется, но она настолько невелика, что её можно просто не принимать во внимание, да и работающие и взаимодействующие посредством цифровой аппаратной синхронизации между собой на слоях Проекций сотрудники НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО отмечают б`ольшую интенсивность ощущений при нахождении на работе в Сфере, чем во время отдыха вечером в повседневной реальности.

Похожее случается иногда и без вспомогательных электронных устройств, когда ты уже почти проснулся, но ещё не пошевелелся и не открыл глаза, либо наоборот, когда ты ложишься спать и начинается чувство проваливания, перемещения в пространстве - и вот ты видишь любые возможные картинку и слышишь разнообразные голоса, проносящиеся вокруг тебя в трёхмерном пространстве и переходящие за несколько мгновений в самые обычные сны. Именно в эти краткие моменты людям в буквальном смысле слова приоткрывается в буквальном смысле слова вход в почти безграничный мир почти безграничных возможностей., где можно встречаться, общаться на

расстоянии, вместе работать, сохранять там результаты своей деятельности, результаты исследований и документы так, что никто не может их оттуда досать.

К сожалению, без наших инфосинхронизаторов всякий из нас одинок в безграничных мирах, открывающихся ему таким способом, а случайная целенаправленная синхронизация двух людей если и случается, то довольно-таки редко, практически зависит от воли случая и ещё тысяч многих других факторов, а потому расценивается чуть ли не как чудо проявления телепатии. Равно как и сохранение результатов труда возможно только посредством приборов, но, в отличие от компьютерных сетей, информация не хранится в самих приборах - они лишь запоминают те частоты электроактивности коры головного мозга, что позволяют учёным возвращаться к собственным наработкам и разработкам - и не более того.

Своего рода, синхронизаторы - это одновременно врата восприятия и ключ к ним, и оттого, каким ключом будут открыты эти врата, будет зависеть и то, что за ними в результате окажется. Да и само это состояние странствия по слоям Проекций крайне нестабильно и не может поддерживаться человеком без нашего оборудования в течение срока достаточного для разработки и проведения экспериментов, научных изысканий и многообразных исследований и открытий. Проблема заключается ещё также и в том, что человеку трудно удержать это чувство, которое проскальзывает перед ним при засыпании или при пробуждении - оно длится лишь мгновение, и человеку поэтому редко удаётся понять, когда именно цеплять чувство Сферы за хвост.

Спросишь, где же тогда действительно заключена информация? Последние открытия нашего научно-исследовательского центра подталкивают нас к выводам, что она в потоках наложения волн самого существования - и за пределами доступности нашего бодрствующего сознания, постоянно перед глазами, но они не видят, прямо здесь и сейчас, но просыпаясь, мы навеки забываем, как дотянуться до этой информации, точно некая часть нашего разума засыпает в бодрствовании, просыпаясь лишь во сне, причём всякий раз немного по-разному.

Человек способен натренировать в себе “чувство ключа”, позволяющее ему каждый раз открывать врата именно на те слои Сферы Проекций, которые ему в данный момент необходимы и, таким образом, общаться с теми, кто прошёл через те же самые врата, открыв их тем же ключом, но без цифрового оборудования на подобные

тренировки может уйти полжизни, без точного же и мастерского управления “чувством ключа” мы оказываемся способны встречать на слоях только свои собственные проекции, маскирующиеся под других людей, порою, со всей присущей им театральной изысканностью, и реальной пользы от подобных встреч на деле не столь уж и много, если ты, конечно, ни какой-нибудь там извращенец, поскольку можешь делать со своими проекциями ума всё, что только заблагорассудится. Ну или если ты не любитель побеседовать с голосами в своей голове и послушать их советов, даже если эти голоса обретают кажущуюся фотореалистичную материальность, благовидный облик и высокодраматизированное поведение, исполненное видимых чувств, духовности и экстремисии. Вот для того, прежде всего, и нужны наши наработки в области синхронизации с состоянием Сферы Проекций - для того, чтобы действительно общаться там друг с другом, а не просто мерещиться, беседуя, в действительности, лишь сам с собой.

Поэтому мы для начала разработали и испытали, и теперь уже давным-давно используем специальное оборудование для посещения миров на слоях Проекций. Для этого нами впервые в мире была применена комплексная технология, состоящая из базовой и вспомогательной. Базовая технология, о которой я уже упоминал вскользь - нейроинтерфейс с обратной связью, управляющий электрической активностью определённых зон коры головного мозга и позволяющий настраивать их на определённые частоты, необходимые для вхождения на требуемый для работы слой, вспомогательная же технология - это технология свето-звуковой синхронизации полушарий, состоящая из подходящих выбранному слою Сферы частот тета-ритмов бинауральных звуковых колебаний от четырёх до восьми герц, подаваемых на фоне белого или розового шума вместе с плавным мерцанием диодного стробоскопа также ярко-белого цвета, помещаемого прямо перед глазами при помощи шлема виртуальной реальности. Похожую технологию, к слову сказать, предложил с полвека тому назад работавший в сходном с нами направлении американский учёный Роберт Монро, впрочем так и не достигший особых успехов в разработке синхронизации.

А секрет здесь не элементарно прост, а просто элементарен. От свето-звуковой стимуляции без нашего фирменного двунаправленного нейроинтерфейсного решения маловато толка. И только вместе они могут считаться достаточно эффективными, чтобы сотрудники могли стабильно работать, не выпадая из своих слоёв по восемь часов в сутки, то есть полный рабочий день. Буквально через несколько минут

подобного комплексного воздействия человек оказывается на подходящем слое Сферы даже если и не особо стремится на нём оказаться. Что же касается самих слоёв Сферы Проекций, то здесь, на самом деле, всё обстоит достаточно просто. Если представить эту Сферу действительно шарообразной, как мячик, и разрезать её напополам, то ты увидишь нечто, напоминающее годовые кольца старого дерева. Это слои, и каждый из них являет собой отдельную частоту работы человеческого мозга, вызываемая настройкой наших приборов и отправляющая каждого работника Центра или испытуемого на тот или иной уровень взаимодействия с другими людьми, находящимися в этот же самый момент на той же самой частоте.

По ощущениям всё выглядит так, словно в нашей организации появляется невероятное количество отделов и подразделений - а это так и есть по сути, вот только проявляют они себя там, а не здесь, каждый отдел, каждое подразделение работают в лишь для них идеально предназначенных условиях слоя, создаваемых набором частот. Каждый слой - это каждый из отдельных наших подразделений, и каждый слой есть отдельная частота. Для того, чтобы получить доступ к информации нужного нам слоя, нужно, во-первых, узнать, что это за слой и для каких целей, он предназначен, во-вторых, получить наш прибор, а, в-третьих, выполнить необходимую его настройку с указанием нужной частоты. Когда ты попадёшь в Сферу Проекций, то всё, что ты увидишь, будет выглядеть для тебя абсолютно реальным, и ты встретишь, как я уже говорил, других наших сотрудников или испытуемых, а они встретят там тебя.

- Так что конкретно мне нужно будет там делать? - чуточку нетерпеливо и немного волнуясь решил перейти к делу Сева Лисичкин, прервав водопад красноречия сотрудниа, объясняющего ему азы странствий по слоям Проеций.

- Ах, да, конечно. Самое главное чуть не забыл объяснить. Тебе для начала нужно будет там посетить архив документов и прочесть инструкцию специально разработанную в Центре для таких, как ты. У инструкции длинное и по-научному патетическое название, но сокращённо мы называем её "Методичка по практике равновесного плетения". Особенно обрати внимание на комментарии, изложенные нашими именитыми исследователями с высокими научными званиями. Если не прочтёшь и не освоишь комментарий, то и смысл самой методички может дойти не полностью. Если вкратце - то равновесное плетение есть способ идеального взаимодействия с каждой из возможных ситуаций. Именно эта методичка расскажет тебе, как нужно

действовать. Когда ты её прочтёшь, то можно будет продолжать действовать или отложить на завтра. Итак, на сегодня твоя задача - именно прочесть методичку и не более! Всему своё время.

И, да, когда окажешься в Сфере Проекций, то в самом начале взаимодействия с тем миром можешь испытать достаточно необычные ощущения, порою даже не особо приятные. Новички-испытуемые часто жалуются на головокружение, потемнение в глазах или вообще пропадание зрения, слуха, способности к передвижению в пространстве слоёв Проекций, дезориентацию, ощущение свободного падения, как в невесомости, видение своего тела прозрачным - и прочие субъективно неприятные моменты. Если в твоём случае окажется, что ты тоже испытываешь подонные симптомы, то просто пошоркай руку об руку или, ещё лучше, пошоркай руками стены, внимательно поразглядывай всё вокруг или даже просто собственные руки, мелкие детали окружающих вещей, только не очень долго, посмотри на себя в зеркале или просто покрутись волчком вокруг собственной оси. Как уж тебе удобнее покажется. Желаю тебе успехов в освоении практики равновесного плетения! - с этими словами очередной сотрудник научно-исследовательского центра, также не пожелавший представляться Севе, по-видимому, из-за соображений секретности, как постепенно стало доходить до студента, указал рукой на кресло с прибором, предложив в нём разместиться.

Сева с удовольствием разпластался в рессле, оказавшемся настолько поразительно мягким и эргономичным, полностью повторяя все контуры тела, так что возникало ощущение парения, и Лисичкин тут же принялся засыпать.

- Так, молодой человек, молодой человек, я понимаю, конечно, что ты голодный и вечно усталый студент, но всё же - не спать. Отоспишься ещё во время работы. Потерпи буквально несколько минут до вхождения на тот уровень, куда я тебя отправлю для поисков методички. - с этими приободряющими фразами на голову Севы была надета шапочка с провоками, а на глаза и уши надвинут, как и было обещано, шлем виртуальной реальности с наушниками. В ушах действительно начало раздаваться какое-то циклично пульсирующее шебуршание - бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу - напоминающее монотонное курлыкание на птицефабрике, шум морского прибоя или далёкий раскатистый гром Зевса, от небесной скуки играющего на варгане, то ли вовсе звук прилетевшей за Севостьяном летающей тарелки, раздававшийся на фоне не слишком-то отрадного шипения, как от сыплющегося из мешка сахара или корябающего шороха виниловой пластиинки, издаваемого

из колонок проигрывателя, когда его иглочка, соскочив с дорожек последней композиции на чарующе-лаковую чёрную пустоту пластика, приближается непреклонным фатумом инженерной конструкции музыкального электроприбора к своей неминуемой автоостановке воспроизведения монотонного белого шума.

На экранах шлема виртуальной реальности перед глазами появились ослепительные резко-белые стробоскопические вспышки, а по поверхности севиной головы, которую хитрый сотрудник Центра уже успел намазать чем-то клейким и даже не собирающимся высохнуть, поползли электрические едва уловимые разряды щекотки. Неожиданно у Сева возникло ощущение поначалу проваливания, как будто он сидит в кресле, но всё вокруг него исчезло и уходит куда-то в космически-чёрную пустооту. Затем под ним исчезло и кресло.

Лисичкин огляделся по сторонам. Тело было онемевшим и ощущалось как-то странновато - оно всё вибрировало, дребезжало с высокой частотой, точно готовый вот-вот взорваться котёл паровоз, но оглядевшись, Сева понял, что и на самом деле куда-то падает. Вокруг же не было вообще ничего. С головы исчез шлем, наушники, исчезли вспышки и покалывание электричества на голове, впрочем, ощущения от вибраций, раздававшихся и отдававшихся во всём теле, были гороаздо сильнее электрических с той лишь разницей, что не причиняли даже слабой боли, ни какого бы то ни было чувства нагревания. Буквально через несколько мановений мгновений, студент пришёл в себя на том же самом только что исчезнувшем кресле, на котором отправился в некоторое подобие странствия уже без каких бы то ни было приборов, ощущаемых на себе.

Оглядев собственное тело, студент ужаснулся: на нём не только не было приборов, но и одежды, а само тело виделось каким-то призрачно-прозрачным, расходящимся по воздуху шлейфом движущихся конечностей, чрезвычайно выражено, между прочим. Севостьян встал, но тут его нечто сильно качнуло или толкнуло, в глазах потемнело, и он упал на пол. Зрение появилось, и во всех мельчайших подробностях, с каждым отдельными былинками-ниточками даже не появился, а уж скорее проявился из темноты непонятно откуда взявшийся в лаборатории мягкий узорчатый ковёр, которого до процедуры погружения совершенно точно здесь не было. Тут Сева вспомнил данный ему совет и начал неукоснительно этому совету следовать, активно растирая себя и шоркая таинственный пыльный коврик ладонями.

Прошло ещё несколько секунд, и перед взором возникли вполне

живые и натуралистично выглядящие безо всякой полупрозрачности человеческие руки, обычные, как всегда - с линиями на ладонях и узорами на пальцах, за трактовку которых столь ярко борются дерматоглифики с хиромантами, а вслед за повысившимися уровнем своей реалистичности руками словно бы из ниоткуда выросла на теле одежда, но когда Сева снова встал, как оказалось, слишком резко, его вдруг очень нетрезво зашатало, а в глазах заплясали звёздочки, точно от приступа вегето-сосудистой дистонии, от которой Севостьян успел избавиться только где-то по окончанию школы, то есть совсем недавно. Он уцепился за ближайшую стенку и очень сильно постарался отыскать зеркало, чтобы убедиться в адекватности собственного внешнего вида.

Зеркало, дотопе напрочь отсутствующее в кабинете, очень захотелось найти за спиной, а оглянувшись студент выяснил, что именно там оно и висело, где предполагалось: он стоял и отражался всё-таки не очень адекватно в только что не существовавшем зеркале, ведь на нём обнаружилась не та полупарадная одежда в стиле “костюм-с-иглолки-галстук-бабочка-туфли-лаковые-чёрные”, в которой он пришёл в Центр на исследования, а какая-то задрыпанная, но зато очень удобная домашняя пижама, совершенно точно оставленная им в общажной комнатухе. От удивления он открыл рот и принялся ощупывать всю поверхность невесть откуда взявшейся здесь застиранной до дыр выцветшей пижамы. В таком виде появляться перед другими работниками организации совсем не хотелось, но в этот момент в дверь кабинета как раз постучали.

- Севостьян, хватит там ползать, как полувисохшая дрозфила. Ты работать пришёл или перед зеркалом вертеться кисейной барышней? - в дверях стояла дама среднего возраста с довольно-таки суровым и неприветливым лицом, прям как у пожилой вузовской вахтёрши, ежедневно встречающей Севу выражением уныния своей напускной строгости всякий раз перед началом университетских занятий. Впрочем, на лице у дамы скрывался какой-то тайный внутренний свет, как от свечки, поставленной вовнутрь толстокорого титаново-сталелитейного сейфа. - Я здесь библиотекарем работаю. Тебе, как проситаешь методичку, на другой слой сгонять надо будет. - тётенька иронично и спокойно разглядывал домашний наряд студента.

- Да подождите, подождите Вы. Мне бы хоть освоиться здесь немного. - торопливо выпалил Лисичкин, оасаясь, что его сразу же нагрузят рабочей ношей, оказующейся непомерной для его нынешнего состояния плеч.

- Вот как раз и освоишься потихоньку, покуда методичку читаешь.

Пойдём, выдам тебе литературу. Если увидишь в ней какие-нибудь кракозябры или буквы расплываться-переливаться начнут, то успокой свой ум, сконцентрируйся на желании прочитать текст, не думай больше ни о чём - и тогда действительно прочитаешь.

- Договорились, пойдёмте в библиотеку. - Лисичкин растерянно поплёлся за библиотекарем.

- Мария Витальевна.

- Чего?

- Мария Витальевна меня зовут.

- А, Севостьян, очень приятно. - ответил Сева, удивившись, что ему хоть кто-то в этой организации решил представиться.

- Пудзяк. - буркнула под нос Мария Витальевна.

- Чего? - опять не понял студент.

- Фамилия моя, говорю, Пудзяк.

- А. Угу. - на этот раз Сева не стал отвечать тем же и называть свою фамилию. Да и зачем. В договоре же и так всё написано. Зато решил продолжить разговор, сменив тему. - Вы знаете, даже удивительно. Те два сотрудника, которых я видел по пришествии в Ваш, как его там...НИЦ...НИЦРАККИ что ли, даже говорить со мной по поводу своих имё не захотели.

- Им есть, что скрывать, они не в Сфере, люди подневольные, значит, всё на одних и тех же местах сидят, боятся, что на них досе кто-то пишет-собирает. А тут-то что от кого скрывать? Раз попал сюда - значит, наш человек. Вот и весь толк. Почти что никто ведь точно сказать не может, где именно я сейчас нахожусь физически. Я всё по разным кабинетам странствую - вот ты попробуй среди всей эой многоэтажки определить, в каком именно кабинете я сейчас сижу.

- Ну да, ну да. - согласился Лисичкин. - А Вам, случаем, слышать ли не доводилось о таком поэте, как Ямбуc Дель Овациус? Это ведь он мне насоветовал сюда прийти.

- Ямбуc? Что псевдоним что ли? Зовут-то его как?

- Ммммм... - Сева сконфузился и пожал плечами. - Честно говоря, понятия не имею, он и впрямь под псевдонимами всё выступает.

- Вот и не задавай глупых вопросов тогда, студент. - это последнее слово "студент", Мария Витальевна произнесла с каким-то особым ироничным ударением в интонации голоса. - Был, наверное, поэт какой-нибудь, как же, всяких у нас людей в разное время побывало. Ну да хорош болтать, лучше держи методичку.

Севостьян в этот момент сделал для себя поразительное открытие: только что они шли по коридору, кажущемуся бесконечным, и вот уж

библиотекарь протягивала ему довольно увесистый томик методички в просторном зале с книжными стеллажами, советуя напоследок:

- Давай, комментарий там читай для начала, ну да тебе говорили. Всё, свободен.

- А здесь читальный зал есть?

- Здесь у кадего свой кабинет есть, вот там и читай.

Севостьян только в этот момент понял, что совершенно не помнит, где именно находится его кабинет по отношению к залу библиотеки, к тому же он не помнил, как они здесь вообще оказались, в этом зале, однако же выйдя из библиотечных дверей, обнаружил вход в кабинет прямо перед собой даже безо всяких предшествовавших библиотеке длиннющих темноватых коридоров. Уже устав удивляться многочисленным чудесам и нестыковкам, он зашёл в кабинет и обратил внимание на несколько изменившуюся обстановку в кабинете с момента его предыдущего посещения. Теперь здесь совершенно отсутствовало оборудование, зато присутствовал стол, доверху уставленный дорогой и изысканной аристократической едой во всём её многообразии, вокруг стола были расставлены чопорно-изошрённые кресла, и даже стоял диван-кровать, на котором можно было поваляться.

- Ничего себе здесь условия сделались! А это точно мой кабинет? - непонятно к кому обращаясь спросил Севостьян.

- Да твой, твой, давай заходи уже. - ответил ему невесть кому принадлежащий голос.

Пожав плечами, Лисичкин зашёл в кабинет, оказавшийся пустым, и сел в одно из кресел, открыв, выданную ему методичку. “Так, так-так, и где у нас тут комментарии?” - найдя требуемую страницу студент принялся вдумчиво читать открывшийся его взгляду текст, точнее, попытался, поскольку вместо букв вылезли невероятные закорючки полуиероглифически-древнеклинописного вида с отдалённым намёком даже на грузинский алфавит. “Я должен прочитать Вот Это Нечто, чем бы оно ни было по сути свой, мне деньги ещё заплатить обещали, к тому же новые знания могут оказаться полезными для дальнейшей жизни и деятельности”, - Сева, как мог, старался сконцентрироваться на содержании открывшегося ему текста, затем, видя, что ничего особенного с текстом не происходит, закрыл методичку, заложив между страницами палец вместо закладки. “Попытка номер два, посмотрим ещё раз,” - открыв методичку повторно он обнаружил в ней вполне кириллический текст нижеследующего содержания:

**Комментарии к Методическим рекомендациям по
практике равновесного плетения общества табу из
миражей в дислокациях холотропных ментальностей.
Предназначены для использования младшими
научными сотрудниками НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО
(Научно-исследовательский центр разработки
антропологических комплексов кибернетического
интеллекта и проведения исследований глобальных
закономерностей квантовых исторических процессов
человеческого общества)**

Сколько существует человеческое общество, человеческая культура, столько времени находятся люди, желающие сподвигнуть всех на нечто большее, чем просто жизнь. И в каждое историческое время находятся двигатели мод - коварные обольстители целых народов, создающие ложные ценности из ничего, заставляя людей преклоняться перед отражением собственной никчёмности, возвышая неспособность осознавать действительность в рангах, принимаемых за уважительные. Обладание благами всегда почиталось человечеством за нечто особенное, ввергая его в пучину вещиизма. Но и нематериальные блага, а особенно в современном мире, далеко не всегда соотносятся с общечеловеческой духовностью. Человек словно бы плетёт вокруг себя собственный маленький и учебный мирок миража, путая его с действительной Реальностью, свободной от каких бы то ни было суждений и отражений, равно как и оценок. Не оттого ли эта Реальность есть реальность свободы?

Так свободен становишься, давая свободу другим, создавая же суждения о других - вот уже сам осуждаем и обсуждаем, готовишь пути и преграды - и тут же сам становишься узником в заточении собственных стен, принимая их на веру. Надо быть выше и чище. Могущество не в том, чтобы владеть, ибо миру нет дела до такого могущества. Оно и не в том, чтобы отдавать, ибо это в природе вещей и, ничего не отдавая, ничего и не обретаешь, а ничего не обретая внутри себя, изначально и не существуешь. Могущество в том, чтобы быть собой. А сами собой люди являются лишь в детстве, поскольку ранний непосредственный возраст до десяти лет лишён всех тех жёстких наслоений,

запретов и иллюзий, которыми сполна снабжает нас общество, насаждая свои порядки и заставляя плыть с собой по течению. Как жаль, что его течение зачастую идёт против течения природы вещей. Мы, вращаясь в череде дел, просто не чувствуем сохранения общих принципов “человековости” на протяжении всей его жизни, путая эти принципы с человечностью, начиная с младенческого состояния и заканчивая глубокой старостью. И все те блага, ради которых многие из людей готовы либо трудиться, не покладая рук, либо идти по головам других людей - всё это те же погремушки, про которые мы забыли, что они являются погремушками, и перевели их в ранг чего-то большего.

Но есть и различие. Не каждый взрослый догадывается поступать так, как обращался с миром в детстве, когда ещё не имел сформировавшегося отражения материального мира, объекты являлись слишком непредсказуемыми для того, чтобы можно было мысленно достроить их продолжение в собственном сознании. Именно поэтому в самом раннем возрасте люди испытывают потребность всё подряд вертеть в руках. Каждая вещь является для нас чем-то наподобие осколка или уменьшенной частицы, вминаемой в пространство такими же частицами, складывающими всё, что нас окружает. Со временем формируется комплекс многократно повторяемых событий, притом любая характеристика реальности отображается тоже как событие, только относящееся непосредственно к работе сознания. Именно они и позволяют людям впоследствии достраивать представления, которые по-прежнему остаются столь же несовершенными, хотя и чуть более подробными, чем ранее.

Обыватель склонен путать с Реальностью сложенную в его сознании карту. Причём именно на этом абсолютное большинство и останавливается. Здесь возникает закономерный вопрос: если погремушку можно вертеть в руках, то как вертеть мир, целый мир, предоставленный нам вместо той самой погремушки? Ответ лежит на поверхности: если мы не можем вращать реальность вокруг себя, то следует нам самим вращаться вокруг реальности, тогда, возможно, и некая неопределимость истины приоткроет перед нами свою завесу в бесконечность. Однако же многие, вырастая, почему-то начинают бросать новые верчения всяких интересных штук. Закостенелая картина мира принесла человечеству просто невообразимое количество проблем, которые оно, как

правило, не может узреть “в лоб” в силу повсеместной фальши, скрывающей самое своё существование, поскольку человеческий мир видится людям единственной опорой. Когда слеп к тому, чтобы видеть корни собственных воззрений и ощущений, закономерно становишься их рабом, и тогда достаточно сложно бывает судить о том, что истинно и что ложно в силу простого неразумения таковых при принятии какой бы то ни было позиции самосознания или личной точки зрения.

Граница между абстракцией происхождения воззрений и конкретной логикой собственных позиций и есть то самое зеркало, которое отражает два ассиметричных мира, один из которых ложен, по сути своей, есмотря на кажущуюся зеркальную тождественность миру условно истинному. И здесь каждый выбирает сам. Очевидно, если общество настолько деменциально, впадая в маразм европейской культуры и принятой на Западе системы ценностей, что мерцанию звёзд предпочло бряцанье евро, то каждый должен стоять сам за себя в этом затянувшемся побеге с тонущего корабля. Здесь очевидно, что когда идёшь против течения, то рано или поздно оно сломит твои усилия, вот только проблема в том, что самоограничение ложных табу искусственными законами есть путь несвободы, а путь несвободы есть тропа в Нижний мир.

Структура многослойных миров подобна перевёрнутому конусу, и чем люди ближе к его острию, тем меньше их уровень свободы осознания. На определённом этапе сужения конуса тот, уже почти в клюве его, становится конусом Нижнего мира, заканчивающимся в самой нижней своей точке позицией небытия, означающей тотальное невосприятие. Проекция людей и Верхний мир - трапеции, понижающие уровни свободы восприятия при устремлении к своим нижним краям вибрационных колебаний. Но, в отличие от Срединного мира, имеющего свои весьма и весьма узкие рамки, Верхний мир есть трапеция, расширяющаяся вверх до бесконечности. На деле же структура более похожа на воронку, засасывающую мир в бесконечную всевозможность. Плыть, хоть ввысь, для европейца означает следовать против течения общества, тонуть - против течения природы.

Если быть более точным, то следовать против природы попросту невозможно - всё сущее всегда пребывает в русле законов неопишуемого, нарушения возможны лишь в локальных средах с собственными условными законами, определёнными

степенью ограниченности структур сложившейся среды. Так, отрицание законов Космоса становится механизмом самоотторжения, а не отторжения Реальности, ибо вне Реальности существовать невозможно, и самоотторжение есть также отражение естественного закона, позволяющего сохранять единую комплексность бытия. На деле же закон модификации информации един, а направлений его развёртывания - бессчётное количество, и принятия течения, и его отторжения - лишь потоки из многомерности единого локуса Реальности.

Естество человеку с его трёхмерным восприятием может напоминать шар, имеющий бесконечное количество измерений, являя идеал формы в единении восприятия с направленностью природы и энергетической целостностью всего сущего. Планеты, звёзды, атомы и параллели вселенных - наиболее близкие отражения базовых законов бытия, а источники энергии человеческой сферы существования, представленные звёздным жаром в "природных" политеистических религиях, соотносивших это явление с божеством, объявлявшимся зачастую высшим и представлявшим исток всех остальных божеств, также соотнесённых, как правило, с теми или иными природными процессами. Ярило и Кецалькоатль, Ра и Ахура Мазда, Сурья и, конечно же, Гелиос - всё это солярные божества. Ясное дело, что сопротивление ложных порядков значительно уступает сопротивлению порядков естественных из-за взаимно противоположного направления движения. Однако общество не способно полностью проникнуть во внутреннее естество каждого своего представителя, общественная власть ограничена, поэтому оптимальным вариантом для выживания в обществе табу из миражей является внешнее следование его нормам при внутренней направленности в сторону природы вещей, в сторону естественности безоценочности и непозиционности, означающих отсутствие суждения и осуждения через призму точек зрения.

Когда исчезает точка зрения со своим поразительно сужающим сознание магнетизмом, появляется не имеющее пределов пространство для расширения сферы осознаваемого. И если цивилизация не перестанет двигаться в том же направлении, в котором движется, то у неё есть все шансы развиться в такую форму взаимодействия людей, при которой не цивилизация служит на благо народов, а народы служат на благо цивилизации. В таком обществе люди не только не счастливы, но и даже

несчастливы. Это цивилизационное благо есть трагедия безэмоциональной и выхолощено-идеальной цивилизации для роботов, утопия, похожая скорее на антиутопию, идеальный мир без красок и радостей. Нужен ли он кому-либо, если эмоции высшей степени свободы от всего - это то единственное неделимое на чужие мериле поведения людей, запрятанное неосознаваемым мотивом в самой природе каждого человека? Вопрос, очевидно, риторический.

Основа популярности - в похожести. Человек не склонен обращать своё внимание, обращать свой взор на вещи, совершенно чуждые его внутреннему складу. То, чего нет в его чулане, воспринимается, как определённо более напряжённое, поскольку требует освоения. То, что в его чулане присутствует, воспринимается, как более лёгкое, из-за этого же часто складывается ошибка. Человек старается интерпретировать подобное подобным, тогда как внешние признаки могут, на самом деле, отличаться для сходных вещей в равной степени, как и могут быть одинаковыми для вещей совершенно различных. Такая вот информационная мимикрия.

Мы должны заметить, что это сама основа человеческого предложения: чем более некая вещь является близкой и, по крайней мере, знакомой, а, возможно, что и часто используемой, тем более она найдёт своего обожателя, но здесь, конечно, есть и другие аспекты, например, банальность частого использования определённых образов становится, скорее уж отрицательным фактором, внутри которого теряется ценность вещи совершенно новой. Но при этом, если этот образ каким-то способом может намекнуть человеку, на его, конечно же, ложную исключительность, то человек это чувство рассматривает в качестве его внутренней самооценки, а зачастую, и его самоцели.

Ценности человека в том, что заставляет его ощущать себя живым - неважно, являются ли они истинными или ложными, поскольку это тоже лишь условная категория оценок и суждений. Человек, в сущности своей, стремится к удовольствию и избегает неприятных моментов жизни, а способов достижения избегания - практически бесконечность. Способы достижения могут маскироваться другими причинами и результатами, одна из этих маскировок - искусство, другая из этих маскировок - неприменимые формы знаний. Если какой-то из объектов

напоминает нечто оригинальное из интересов человека, к примеру, человек видит в доске электрического ската или свёрнутый шланг напоминает ему о летающей тарелке или, к примеру, если для человека важной вехой его жизни является патриархальность характера и связанные с ней события, то близкой по духу станет бадья с водой, а человек будет радоваться уже хотя бы факту того, что бадья - это не ведро.

Если человек интересуется внутренним миром, выраженным в искусстве, то ценностью может стать сигнальная система музыки, которая представит возможность понимания, что он не единственный во всём направлении, и, соответственно, укрепит его уверенность в его же иллюзии. И таких способов, на самом деле, сколько угодно: чтение, созидание, восприятие, отдых, посещение новых мест, туризм, освоение новых направлений деятельности, профессий, да хоть конфессий. Да всё, что угодно. То, что наиболее близко человеку, то, что составляет его ценностную систему, то и является лестницами, которые способны вести человека по жизни, а единственной целью человека является удовлетворение неких потребностей, пусть он ставит даже самые высшие цели, ведь и потребности у каждого разные. Все цели поэтому искусственные, все цели, исходят от людей, в людей же и возвращаются, и даже не выходят куда-то за пределы, поскольку, оставаясь внутри, они, по сути дела, оправдывают собственные действия.

Поскольку другие люди, находясь в той самой большей части, в той самой большей половине за пределами индивидуальности, имеют всё же много сходного, а от этого каждый из них доказывает собственные цели сам для себя, открывая возможность двигаться в одном направлении с прочими, а не разрываться в разные стороны - иногда разрываться, но чаще всё-таки есть определённое сотрудничество, только это такая же иллюзия. Сотрудничества нет. Каждый тянет сам за себя. И ничего удивительного, а это вполне естественно, что каждый человек оказывается в том или ином направлении, разместившись одной ногой на острове, как цапля, и в этом, наверное, особенность человечества до тех пор, пока оно окончательно не растворится.

Люди всегда внутри человеческих шаров и отражаются вовнутрь себя, поскольку эти шары и есть сами люди. А когда люди превосходят себя, то оказываются способны пересечься с

чужими островами, но где же тогда оказываются шары их оболочек. Выбор: либо быть самими собой в одиночку, либо быть уже не собою во множестве. А кто определяет, что же есть человек? Это часть единой структуры, пронизывающей мир в своей бесконечности, пронизывающей мир в ничто. Мир - ничто. А пока есть возможность - ну что ж, наслаждайтесь достижениями народного хозяйства и умственного труда, создавайте и двигайте науку, лечитесь иллюзиями искусства - это всё созидательная сила человечества, движущая цивилизацию.

Саморефлексия и самопотакание - самые глупые черты человека - те же, что и ведут к развитию цивилизации. Чем мудрец медрее камня? А камни мудры. Может быть, именно поэтому камни не строят цивилизацию, они её превзошли. Люди же строят её затем, чтобы казаться самим лучше, чтобы блеснуть лишь на миг и погаснуть искоркой в Вечности, впереди которой прошлое и позади которой будущее и где-то между ними ложным течением времени развёрнуты целые общества, умеющие двигаться, как вагонетки, только в одном-единственном направлении, тогда как, в действительности, эти потоки пересекаются подобием греческой буквы "α". Такой мешочек, идущий сверху вниз и в обратном направлении, с загнутыми усиками вовнутрь. Так выглядит время, похожее на щипцы.

За что людям такая структура, к чему им все эти устремления, зачем любые цели, кроме совершенствования без границ? Всё другое - приспешники целей, они кружатся, но это вовсе не означает, что цели ставят нечто прямое - они гораздо более опосредованы. Всё, что бы мы ни загадывали, чтобы жить лучше, идут на самом деле, из этой безразмерной точки, только в сложных цепочках из множества колен, похожих на многоступенчатые насекомые ножки, и они зачем-то упираются, по-видимому, затем, чтобы прийти к единой тушке истины.

Задавшись вопросом о том, что же является направляющими жизненных путей человека, мы обнаружили, что каждое существо мира представляет из себя систему равновесных действий, каждое из которых в различной мере может быть отнесено к некоей общей направленности существования реальности. Теоретический человек, наиболее совершенный из существующих - это воплощение одновременно бесконечности и некой естественности через примитивность, так что можно исключить любую возможность или даже намёк на не прямое

видение явлений мира, заставляя их восприниматься в высшей мере именно такими, какими они являются в действительности.

Активизация и актуализация гипертрофированно выхолощенной самости человеческого естества, противоестественно выделенной из контекстной ситуации окружающей действительности настолько высокоактивна, что приводит к отклонению от весового эпицентра сообразно степени отделённости от взаимодействий со средой своего существования. Человек, обращённый в мир через самость своего естества, подобен дереву, лишённому корней - его обрубки приводят к падению ствола в одну из сторон. Причём направление стороны есть противоестественное контекстное разделение осознания.

Мир не знает правой и левой направленностей сторон. Ему ведомы только "к" и "от". Люди - воистину пористые губки. Идеальная их проницаемость должна быть такова, дабы полностью исключить какие бы то ни было повторения и отражения, однако растворение существа приводит к несвободе экземпляра шаблона: следуя зову без искажений человек теряет самость себя, а границы индивидуальности размываются через трансцендентальные схемы и области. Уровни областей - пересекающиеся измерения, исходящие из тройственности сознания человека.

Бит человеческого разума, помимо стандартных состояний напряжённости, соответствующих правде или лжи, имеет ряды состояний, тяготеющих к одному из возможных стандартных двоичных состояний, а наложение сигналов в нейросети мозгового вещества позволяет говорить о трёх основных позициях: 0 - false, 1 - true, 2 - maybe. Притом состояние неопределённости является равновесным при наложении сигналов, тяготеющих к одному из человеческих битов, которые можно обозначить как триты. Тритовый байт же определяется кубом трита, равняясь поэтому не восьми, а двадцати семи тритам, и именно поэтому двадцать семь - число человеческого основания информационного пространства. Именно третье состояние неопределённости является определяющим состоянием объективизации при формировании гармонических свойств человеческого шаблона, определяющего человеческую самость.

Человечество имеет собственный информационный

сакральный символ, который можно использовать для вхождения через транс в ресурсные состояния. Теперь мы видим этот факт доказанным. В центре находится круг, вокруг которого есть три круга, вокруг них - девять кругов, вокруг которых кругов двадцать семь. Каждый из кругов может состоять из подобию древесных колец или ещё из трёх кругов, также возможна и более развёрнутая схема третичной мандалы, где на каждом новом уровне число кругов увеличивается на три, при этом не исключаются и альтернативные начертания, например, в форме фрактального дерева, где из точки в центре исходят по три ветви, на каждой из которых - ещё по три ветви, а на тех, в свою очередь уже - ещё по три. Так и формируются основные двадцать семь кустов внешней кроны куста. В конечном итоге, как несложно догадаться, структура включает сорок элементов. Но это - только способ воспринимать, точно так же, как и любое описание есть способ говорить.

Люди создали огромное количество разнообразных правил, упорядочивающих их общественную жизнь, однако любая мораль неполноценна своей оборотной стороной: то, что делает сильнее разум коллективный, значительно ослабляет разум индивидуальный. Чем меньше корней имеет человек, тем более он склонен абсолютизировать любые имеющиеся правила и идеи. Однако же и здесь существует особого рода заповедь: каждое правило создано в границах собственной растяжённости, за пределами которых оно в своих крайних пределах теряет смысл, становясь либо слишком непонятным, либо условно ложным, а оттого неприменимым.

Для человека верным выбором станет не черпать из этих рек, но искать родники, реки порождающие. Каждый человек воспринимает и вещает на своей волне, в этом и есть сущность паутины сетевого социума, однако общие каналы могут быть различной полноты, направленности, иметь различный размер. Человек, укореняющийся в собственном узком канале подобен могучему дубу на корне слабом и гнилом, словно бы в насмешку выросшем из хрупкости тополя и поверхности грядочного корнеплода. Посеявший в себе глупость растит её и лелеет, поскольку глупость даёт ему иллюзию силы и доставляет чувство удовлетворения, как бы возвышая человека на прочими, лишёнными его личной глупости. Такой человек, возвращающий собственную глупость и всецело ей доверившийся, в итоге сам

становится порождением собственной глупости, порождённой им, и глупость эта начинает лелеять человека, взлелеявшего эту глупость, превращая его в своего фанатичного раба. В этом случае нет совершенно ничего предосудительного - человек свободен тем, что сам выбирает себе путь, однако связавший себя с порождением собственного или коллективного разума позволяет за себя делать выбор собственной глупости, предоставляя ей право безраздельной власти над ним.

Нам требуется постоянная подзарядка, и без сил Космоса мы погибаем довольно быстро, а оттого люди, не способные найти более широкий канал извне, сами создают в себе канал, который начинает их питать, наполнять жизни и мысли собственным же содержимым, созданным из людей, а в конечном итоге, определяют судьбу, жизнь и самость личностей. Каждый человек рождён на тросах, предопределённых шаблоном природы человеческого естества, равно как и его врождёнными генетическими особенностями, однако же в ходе дальнейшего развития часть этих тросов оказывается развязанными и переопределёнными. Конфигурация связей определяет личность человека лишь номинально.

Мы явственно видим, что большинство людей в течение жизни неосознанно обрывает значительную часть собственных тросов, некоторые из которых так и остаются свободными, но возникает много новых связей сверху и менее - снизу, восполняющих в людях те истоки энергии, которые оказались нарушены вследствие их разрыва со средними уровнями потоков. При достаточно большом количестве открытых каналов их свойства предоставляют возможности буквального ощупывания мира людей тем, что изначально предназначено для познания. Осязанием интерпретируются верхние и нижние потоки энергии.

Вся сложность проявления жизни для людей заключается в том, что они уподобляются гигантским газовым шарам в свободном полёте, отчего эмоционально оказываются способны воспринимать позиции гармоничных существ ультрафиолетовых проекций или функциональные цели тварей инфракрасных проекций. Последние подобны программному коду, их алгоритмы неумолимы, но они преследуют цели не всегда без вреда чему бы то ни было или кому бы то ни было, а просто во имя исполнения кодов самих себя, любой же вред или польза, возникающие от действий тварей нижнего мира есть побочное следствие их

проявлений. Однако они не имеют прямого отношения к миру людей, а поэтому их проявления в наших проекциях часто имеют после себя деструктивные последствия. Элементы же человеческого шаблона, характеризующие человеческую самость, часто оказываются доступными только на уровне чистого понимания, однако же никак не эмоций. Те же эмоции, испытываемые постоянно, навряд ли способны быть переданы словами - некое сочетание в той же степени ужасающего и прекрасного, отталкивающего и возвышающего одновременно, подобно красоте глаз слепней или извержению вулкана.

Людам очень свойственна самооптимизация. И в удовлетворении или даже природной направленности оптимизации все они очень отличаются от курса, заложенного в них по рождению. Люди похожи на капли дождя, скользящие по паутинкам в лесу так, что через них можно смотреть на океан. Лёгкие человеческих энергий, подобные дыхательным мешкам тритонов, наполняются от приложенного ветра Вселенной. Человек утвердившийся и сублимирующий направление вместо обрубленного действительного канала, на деле нуждается в том, чтобы иметь стабильный приток Силы. Он будет решать этот вопрос, максимально активизируя канал своей ситуационной неудовлетворённости до тех пор, пока не произойдёт событие, которое было бы способно заменить этот канал каким-нибудь другим каналом. Если приток усиливается, это меняет человека, если приток не меняется, то человек меняется в меру изменения прочих притоков, находясь в гибком равновесии со стабильными притоками, если приток уменьшается, то человек будет искать любой путь возвращения старого источника силы.

Энерговампиры подобны фрегатам. Они скользят в свободном плавании, и в этом плане они - уже не совсем люди, а скорее функциональные существа, подобные кодовым тварям нижнего мира, однако более сложно обустроенные. Они - самые несчастные из существ, поскольку свобода их подобна свободе мыльных пузырей, готовых лопнуть в любой момент. Не следует потакать слабостям, как своим, так и других людей, лучше найти равновесную струну мира, звучащую на срединной ноте.

Вселенская точка мира – это условно выделяемая точка нуль-пространства, первозданный нумен исходной протоматерии первопричин, излучающийся вовнутрь себя самого, являя акт вечного самозарождения вне времени и пространства,

обеспечивающий возможность самоизлучаться, порождая этим самоизлучением естество собственного существования, которое же есть единственное существования в силу того, что оно и есть всё. Вселенская точка логически сопоставляема с отсутствующим местонахождением общей информации. Эта точка безразмерна, поскольку любой размер – информационная величина. Эта точка также лишена пространства, поскольку пространство определяется позицией отражения параметрически. ВТМ есть также значимая объектная модель мира, заключающая в себе его информационное наполнение, но реально не расположенная где-либо и не имеющая, соответственно, формы, а только значимо определённая сама в себе, поскольку точечное восприятие шароподобно, а шар принадлежит мерам мира пространств, при этом из самого определения «точки» в данном контексте вытекает вывод о несостоятельности предположения о фактическом её пространственном местонахождении.

Одним из примеров мнимого различия человеческим рассудком сходного по сути явления, порождённого ВТМ, является выделение в отдельный аспект физических свойств объектов проявлений гравитации, тогда как номинально гравитация есть частный случай проявления волновой интерференции вопреки действующей в момент написания нами “Комментариев” парадигме физической картины мира. В силу свойств волн влиять друг на друга тем более выраженно, чем несомая энергия волна φ превосходит энергию волны ω , происходит синхронизация низкоэнергетических волн с высокоэнергетическими, приобретая свойства полей насыщенной информационной плотности. Таким образом, ведущая волна φ действует в качестве ловушки для частот ведомой волны ω , но и волна φ способна стать ведомой в случае нахождения объекта Δ при выполнении условия $E_{\varphi} < E_{\Delta}$. Волна ω кажется при соблюдении вышеуказанных условий ведомой в любом случае. Указанные свойства позволяют, например, человеку (ω), передвигаться как по поверхности Земли (Δ), так и по поверхности Луны (φ) притом, что Луна вращается в гравитационном поле Земли. По сходному принципу действуют устройства электромагнитного зашумления сотовой связи в лекционных залах виднейших вузов страны, позволяя преподавателям сохранять душевное спокойствие, а студентам не отвлекаться на флирт в соцсетях во время занятий.

Наличие пространства как основы расположения предметов

представляет из себя стереотип бытовой повседневности, характерный для животных и вытекающий из утилитарного опыта потребности активного передвижения. Воспринимается ли пространство растительным миром в рамках аналогичного животным создаваемого субъективного ощущения – вопрос сложный и неоднозначный. Пространство для нас есть характеризующая форма информации, в полной мере соотносимая с показателями плотности, температуры и цветовой насыщенности предметов, тогда как время есть форма реализации информации, заключающаяся в активном действии высшей формы хаоса как внутреинформационного зеркально точного внешнего закона математической вероятности, то есть реализация рандомизации. При этом одним, либо единственным основным в условиях жёсткого взаимовлияния законом, положенным в основу процесса времени, является бесконечный фрактал древесного типа равнозначной элементной выборки клише. То есть всё заново воссоздаваемое уже существует в этом мире.

Вселенная не имеет ни цели, ни смысла, по крайней мере, приемлемых для понимания человеком, поскольку цель порождается смыслом, например, спать – для того, чтобы выспаться, будучи поэтому неразрывно с ним взаимосвязанной, притом, что целеполагание в доступной нашему пониманию форме может принадлежать только нам, людям. Мы не исключаем возможности присутствия целей и у других существ, но их логика должна принципиально отличаться от нашей собственной, притом, что в обыкновенных состояниях сознания, будучи людьми, мы вряд ли способны постичь эту логику в полной мере, притом, что под каждым из описываемых качеств нами применим только человеческий его эквивалент, поэтому сходные качества, свойства и характеры иных рамок доступа некорректно было бы сравнивать с какой – либо информацией, в которой заключён человек и которая его полностью определяет. Это же утверждение полностью можно отнести и к такому явлению, как разум.

По мере роста красочность теряется. Достигший вершин бесцветен. В его блёклости таится прозрачность, теряющаяся в неволи тем большей, чем большая вершина достигнута. Малый человек скован в своей свободе. Он – пуля в патроне, столь же тесная и невидимая. Пуля пробивает воздушный шар, но с горы

стрелять легче, ибо легче попасть. Этим обосновывается сложность и неоднозначность органических революций. Воздух – стихия власти. Камень – стихия народа. Камень мешает ветру, а ветер точит камень. Поэтому народ и власть несовместимы. Лишь срединные воды едины для ветра и гор. Вода точит камень и выталкивает ветер. Слабых – унижает, сильных – восхваляет. И лишь огонь жжёт камень и воздух. От огня всё происходит и в огонь всё возвращается. А потому небытие – первооснова и высшая форма бытия.

На счёт выраженных форм аспектов образования параллельных миров возможно придерживаться несколько разнообразных измышлений или предположений. Следует сразу заметить, что речь будет идти только о механизмах образования информационных миров, поскольку главенство математических вероятностных законов над информацией даёт все основания предполагать, что существуют и нематериальные миры. Из существующего информационного набора ежеквантово формируются вероятностные деревья. То есть каждый квант расходуются все вероятности в мире для создания каждого из информационных подпространств, поэтому взаимоисключающие элементы существуют в объективности уровня бытия одновременно и параллельно, исключаясь лишь из каждого набора миров внутри самого мира, но не внутри его набора.

Из вышеуказанных утверждений вытекает вывод о том, что осознание мира как данного или параллельного может варьироваться у различных существ от близости осознания до расположения в различающихся измерениях «изомерных или перпендикулярных» иного плана проекций. Поэтому также можно предположить, что мир существует одновременно и ежемоментно во всех своих вариациях. Изменение процессов жизнедеятельности способно эмулировать восприятие несуществующего естества внутри человека, либо же максимально приблизиться к другому существу, либо оказаться расширением самого себя через разрастание самоестества, что, если чуть подумать, тождественно, учитывая второе предположение, первым двум пунктам выражения типов изменения сознания. Поэтому для каждого из объектов характерно тотальное местоположение, и лишь жизнь диссоциирует и дистанцирует самоестество от Бесконечности, находя выражение лишь на клочке осознания.

Тени всегда величавы и объёмны для существ, стоящих выше нас. Так попробуем себе вообразить, как бы выглядело наше тело, будь возможность у некоего доселе неизвестного нам существа проводить эмпирические научные наблюдения за людьми со стороны. Можем Вас заверить, что наши действия казались бы им то ли смешными и нелепыми, то ли элементарно безрассудными. Не исключено, что двумерные существа, возможно, сочли бы человечество за расу, лишённую какого бы то ни было рассудка и уж тем более, интеллекта. Возможно, что наши действия казались бы им невозможными и необъяснимыми. Здесь действует то, что назвать законом вложения: полноценно осознавать каждое из измерений можно лишь находясь в данном измерении, равно как и во всех вышестоящих.

Но что именно определённого в том и из того, что на практике привело к провокации качественного изменения пространства при увеличении нагрузки воздействия на внешнюю среду? Где спрятано то невидимое изменение состояния, позволяющее по сходству действий вызывать у разномерных креатур неясность отсутствующего действия, а при внешней ясности самого действия, невозможность реализации выпадающего элемента, а, как следствие, невозможность повтора самого элемента опыта, выражающего причинно-следственную равнозначность внешне неравных или даже противоположных свершений, либо неравнозначность действий по воспринимаемому сходству, либо же невозможность реализации опыта полного в мере?

Если предположить, что человек нашёл способ конвертировать своё тело в проекцию в любом измерении, то в каждом предыдущем подпространстве он бы затрачивал несоизмеримо меньше сил для перемещения и оставлял бы больше для жизнедеятельности, чем в каждом последующем, хотя, исходя из условного деления затрачиваемых сил в каждом новом измерении на равные части по количеству измерений реальности, каждое новое измерение отбирало бы у человека сил меньше в плане общей потребности в растрате сил на существование настолько, насколько эти два пограничные измерения численно относятся друг к другу, то есть с каждым новым измерением даже при целочисленном равенстве абсолютно потребляемых и покрываемых за счёт человека затрат сил, его показатель относительно общих затрат будет только уменьшаться.

При этом в нулевом измерении прирост затрат сил будет абсолютен, тогда как затрачиваемые силы эквивалентны отсутствию таковых, выраженных нулевым показателем, тогда как в бесконечном измерении прирост затрат сил будет нулевым, а реальные затраты – бесконечными. Если же мы уравниваем эти противовесы, то увидим, что нуль являет собой информационную модель бесконечности потенциала, тогда как бесконечность есть кинетика вещи в себе, выраженная через нуль, что исходя из информационного построения мира приравнивает эти два прежде казавшиеся противоположными понятия.

Таким образом, любое пространство можно рассматривать как одну из вероятностей, реализующихся в Неописуемом, варьирующую в пределах от субъективных человеческих истины до лжи и к которой применимы математические законы вероятности, булева алгебра и понятия дискретной математики, выражающие закон порождающего и творящего Хаоса в гиперпространстве Этерны. При этом силы, затрачиваемые на спэйсдрайвинг – перемещение, должны быть меньше по сравнению с потребностями жизнедеятельности, также необходимо оставить часть энергии для обеспечения существования в пространстве длительное время, в противном случае мы либо не сможем передвигаться, либо не сможем существовать в ином измерении мирохарактера.

Каждый элемент мира сего представляет из себя определённую функцию или совокупность функций – то, что можно условно субъективно назвать свойством законом или объективно назвать естеством. Поэтому нарушение даже минимального порядка в этом мире представит для себя увеличение абсолютного стремления к вселенской деструкции, то есть нарушение одной функции Вселенной, которую можно расписать как гигантскую математическую функцию, привнесёт нестабильность во всю Вселенную. Если вы давите свою пятой букашку, то в таком случае вы разрушаете этим всю Вселенную.

Информационная плотность представляет из себя способность в получении и произведении выборки Вселенской информации. Чем выше информационная плотность, тем менее доступной оказывается информация в процентном отношении, исходя из того, что за сто процентов мы принимаем информацию исчерпывающую, то есть таящую в себе сведения обо всём во всеохвате, а за полную информационную проницаемость –

возможность получения такой информации. Лишь самое естество включает в себя две взаимоисключающие черты природы вещей – полную информационную насыщенность и полную информационную проницаемость.

Информационной насыщенностью можно назвать тот объём информации, который ежедоступен каждый временной квант. Очевидно, что более примитивны те существа, которые обладают большей информационной плотностью и большей же насыщенностью. Также очевидно, что плотность прямо пропорциональна насыщенности и обратно пропорциональна проницаемости, а наиболее прочная позиция естественного существования занимаема более примитивными и грубыми формами. Чем сложнее форма реализации бытия объекта, тем более он пытается постичь пути мироздания, а показатель информационной проницаемости при этом являет один из способов прямого выражения доступности через диффузию, взаиморастворённостей естеств, чем более доступна информация, тем менее существует ограничений её получения, а значит, тем ниже интенсивность существования данного приёмника, который мы рассматриваем абстрактным образом выражения.

Так, полученная информация, доступ к которой имеет приёмник информации есть практическое и фактическое выражение его прав доступа, следовательно не имеется никакого основания утверждать реальное наличие любых различий между составляющей компонентой объекта и его правами доступа. Поэтому-то принимаемая информация является частью приёмника, а принимаемая потенциально – частью приёмника в параллельных мирах, там, где она принимаема объектом реально; когда потенциал реализован, то он также становится частью локальной реальности, но в глобальном плане не следует проводить различий между потенциалом действия и его реализацией, так как высшая Реальность есть также приёмник самой себя, значит, включает в себя все потенциалы, количественно равные реализациям для всех существующих миров, также входящих в состав Реальности.

К тому же любая деструкция конструктивна однозначности, заключающейся в форме предела стремления к бесконечной информационной плотности каждого из его элементов, что приводит к концентрации массы малой плотности данных,

сопоставленных с реальной нашей физической плотностью, что ближе и понятнее человеку, в каждой из проекций Вселенской точки, то есть исчезновению пространства, при том, что оно значимо отсутствует и так, то к исчезновению только на уровне плотности человека, а реально – и к его качественному трансформационному изменению пространства, сущность которого на современном уровне развития космической информационной плотности не познаваема, равным образом и не имеет в себе смысловой подоплёки в формировании целеположенного стремления к реализации всех элементов вышеупомянутого мироосознания пространственных характеристик.

Права доступа, равнозначные набору возможностей и количественно выражающие интенсивность существования объекта подтверждает предположение об объектной ориентированности структуры всех проекций окружающей нас с нами реальности, равным образом идея об объектной ориентированности в информатике была почерпнута, вероятно, технократами-трансперсоналистами семидесяти годов двадцатого века. Математические пределы космической бесконечности вдруг становятся достаточно ясными и объяснимыми, если говорить об единственности нам доступных для понимания надинформационных законов, находящихся самоестество проекцией в информационном мире, и, возможно, во внеинформационных подпространствах.

Чем более восприимчив к информации объект, тем более он информационно аморфен через постоянно меняющиеся отношения реализации практической стороны случайного распределения доступа к информации во всей Вселенной. Это может сказаться на изменении насыщенности и переведении его состояния на качественно иной уровень. Если человек в процессе эволюции станет полностью миропроницаемым, то он исчезнет, поскольку получит полную доступность для мира и сведений о нём. Что на практическом уровне означает равнозначность такого объекта Бесконечности, что ещё раз доказывает о взаимосвязи бытия с небытием через кольцо условности – небытие есть высшая форма бытия, тотальная доступность Вселенной, нулевая информационная плотность и наиболее исполненный свойствозакон полной информационной доступности. Это предположение равняет бесконечность с нулём через равенство

Единства. Итак, мы выяснили и попытались доказать, что вершина человеческой эволюции, то, к чему каждый стремится подсознательно через любопытство получения новых знаний и расширенные проекции сознания, есть слияние с безграничной реальностью Неопишемого.

Единство можно понять в виде представления завершённой картины мира и Вселенной в этом мире в качестве вещи в себе. Полнообразность случайного бытия есть основная черта информационной Единства. Это как раз состояние абсолютной принадлежности Вселенной, при котором ваше предыдущее состояние уже не играет никакой роли, поскольку состояние нынешнее уже включает и предыдущее, и последующее, вне категорий исчисления времени, являющего лишь скорость процесса, да и то лишь относительно самого этого процесса.

Для исследователя Бесконечности главное – осознание её сути. Бесконечность глубже, чем что бы то ни было, ибо она и есть мир. Существование каждого объекта измеряется параметром интенсивности. Нельзя забывать, что восприятие пустотности мира – это отсутствие восприятия непроявленной возможности проявления, тогда как проявленная возможность проявления становится автоматически восприятием реальность, а проявленная возможность непроявления есть самоотражение пустоты саму на себя.

Таким образом, мы ещё раз логически доказываем единообразие «происхождения» и «состава» этих псевдо-двух частей Бытия, которое, на деле, едино. Ведь согласитесь, что сущность потенциала заключается в том, чтобы составлять возможность проявления чего-либо, а в противном случае любой потенциал невообразим даже в качестве мыслеформы, что также возможно в силу ограниченных способностей человека к восприятию, по крайней мере, без применения специальных техник развития такового. Это означает не только и не столько наполненность любой пустоты, сколько ошибочность восприятия человека, сознание которого придумало удобное ему явление отсутствия, таким образом отделив его от присутствия. А это значит, что любой формы пустоты никогда и нигде и не существовало, кроме как в нашем собственном сознании.

Невозможности также не существует, так как невозможность предполагает проявление реализации противоположности потенциалу через отрицание возможности проявления чего-либо.

Но предположение невозможности чего-либо уже включает в себя информацию об этом чём-либо, а значит, и это самое что-либо, исходя из тождественности всей Реальности информации о сумме паттернов всей Реальности. Рассмотрение мира как совокупности интенсивностей существования проясняет через логику явление холотропии.

Очевидно, что при полной вариативности границы наборов паттернов каждый из объектов или явлений также полностью не определены, а их информация, содержащаяся в единственном экземпляре, может находить проявления в любых разновидностях объектов, включающих и явления также. Каждый человек рано или поздно задумывается о том, что для него более важно, а что – менее. При этом с совершенной ясностью подобное положение вещей в ракурсе рассмотрения явления важностных отношений переносится и на мировосприятие, поскольку большее значение для восприятия, порождающего понимание априори имеет то свойство мира, которое способно предоставить нам большее количество информации.

Система ценностей существа становится ещё одним фактором, любой из которых можно свести к обеспечению условий, близких к идеальным для обеспечения выживания как отдельного организма, так и сохранения биологического вида. Так, если мы получаем более девяноста процентов информации от органов зрения, то зрение играет для нас гораздо большую роль, нежели, скажем, тактильные ощущения. Из возможности воспринимать довольно узкий диапазон электромагнитных волн, которые в силу узости восприятия мы выделяем в отдельную группу «световых», вытекает импульс возможности развития напрямую не связанных с зрением отделов головного мозга и даже органов, к примеру, мозжечка и вестибулярного аппарата, которые вкуче отвечают за ориентировку в пространстве.

Но при этом трудно не согласиться, что чувствительность современных неживых приборов может в каждой области превосходить человеческие: как мы все знаем, в наш век технологий существуют камеры, способные фиксировать излучение в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазоне, равно как и эхолоты, издающие и воспринимающие ультразвук. Всё правильно, ибо не может быть иным в силу того что каждое иным по отношению к себе уже не может не являться. Пока пространство позволяет человеку создавать условия для

поддержания человеческой популяции, оно, конечно, будет играть для нас одну из ведущих ролей.

Могут существовать и объективно находиться с нами и иные свойства мира, воспринимаемые людьми по категориям менее значимым в привычных нам условиях, либо же не воспринимаемых вовсе. Что наталкивает на мысли о совсем ином восприятии пространства у существ неактивных, для которых ориентация на местности в смысловом плане выживания и существования как жизненной потребности стремится к нулю.

Деление восприятия по категориям важности в корне неверно и отражает лишь низменные потребности. Вверх по лестнице сознательного коллективного продукта никогда не поднимется явление, не имеющее шансов отражать всё низменное и жизненно необходимое, поэтому любая высшая деятельность происходит от деятельности низшей. Так, дабы познать психологию существа, чьи устои могут быть принципиально отличными от человеческих, необходимо изучить среду его обитания и физиологические процессы, характерные для каждой конкретной изучаемой формы жизни, в том числе и внеземной.

Можно, конечно, ухитриться превзойти внутренний закон, тогда вопрос о правомерности представления каждого объекта выражения проекции Вселенской точки предстаёт в полную силу. Полученные случайным способом в случайном порядке со случайной дискретностью каждое из свойств в действительности можно рассматривать как закон, на основе которого также может строиться свойство иного качества, также являющееся законом, поскольку подлежащий информационному описанию закон – тот, который также подлежит модификации, в противном случае он непознаваем, а значит – внеинформационен.

Строящееся на его основании свойство – есть возможность подвергнуть расчёту и предсказанию на основании закона, а полная предсказуемость порождает сходство с законом в её единообразии, тогда становится не вполне ясно, где – свойство, а где – закон, так как степень вложенности может доходить до запредельного и даже бесконечного уровня, переводящего степень вложенности в закон самой себя, порождающей функцию взаимосозидания свойствозаконного цепного континуума, в котором каждое свойство предыдущего порядка выступает законом порядка последующего подобно отношениям подпрограмм к программе, поскольку даже подобное

подразделение во многом условно, ведь предположение о существовании уровней итераций, образующих закон самой себя автоматически подразумевает предположение о возможности существования свойствозаконных итераций иного плана, порядка, степени вложенности и информационно-функциональной насыщенности, а из последних также можно образовывать подобные же гиперструктуры более высоких сфер – и так далее – до бесконечности.

Именно законность слияния свойства с законом в свойствозакон обосновывает вещь в себе мироустройством и одновременно обосновывает это устройство, доказывающее объективность слияния. В нас в застывшем миге проносятся бесконечности Больших Взрывов, порождающих бесконечности бесконечностей бесконечностей – и так до бесконечности – новых Вселенных, и одновременно вздыхают последним скрипом Вселенные умирающие, дабы оказаться возрождёнными. И каждая из живущих, порождающихся и погибающих Вселенных – это именно наша Вселенная во всём её многообразии и великолепии, со всем её параллельными мирами и потусторонними реальностями, свидетельствующими об узости нашего понимания мира, ибо есть только Реальность, и она единственная, и она есть всё.

Притом и одновременно – ведь время не имеет значения из-за стабильной общей наполненности каждый квант – мы живём во всех этих вселенных, даже не родившись, а родившись – уже умираем, и умирая – рождаемся, мы живём в частицах, застрявших в статусе между бытием и небытием, и в тот же миг являясь ими. Мы идём по улице, а внутри нас идут бесчисленные полчища нас, идущих по улице – и - да! - в циклопическом себе-космогиганте – мы также идём, ибо мы также есть те малые мы, которые в нас, и для которых мы привычные есть громадные мы. И всё это сконцентрировано во Вселенской точке мира, абсолютном локусе бытия, не имеющем пространства, а потому и являющемся бесконечным как в пространственном плане, так и в гиперпространственном.

Если речь зашла о Бесконечности, то ищите её в крайнем пределе противоположности, там, где её быть не может, а именно в причину этого она там и есть. С другой стороны, любое отсутствие есть столь малая единица бытия, что вмещает в себя бесконечность себя, а значит единица измерения отсутствия

бесконечно велика, куда громаднее любого наличия, но, так как Бесконечность и есть в таком случае отсутствие, то любое увеличение равнозначно уменьшению, а это значит, что любые порядки, в том числе и математические, и социальные законы – целиком, полностью и сугубо субъективны.

Быть может, раз посмотрев на Солнце, вы увидите в нём своё отражение, и тогда вы, быть может, поймёте, что нет ничего прямее кривых зеркал, ведь их искажает мировая структура. В таких зеркалах отражается диссонанс устройства противоречий. Избавиться от личины – значит быть полностью потоком.

***Настоящие комментарии подготовлены
заслуженными профессорами
Народной Академии Гуманитарных дисциплин,
почётными членами
НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО
доктором философии О.О.Кисляком
и кандидатом психологии А.Я.Колесниченко***

Когда Сева дочитал наконец-то комментарии, то саму методичку ему читать как-то сразу расхотелось, стоило лишь представить, какой она может оказаться по содержанию, если к ней одни лишь комментарии такие. При этом он испытал то полузабытое победоносное чувство детсадовских времён, которому способствовало поглощение последней ложки невкусной каши, почему-то всегда обязательной к съедению. Мир в такие моменты кажется устроенным особенно несправедливо: почему этой пресной противной каши всегда целая тарелка, а аппетитных и сладких шоколадных конфет - только горстка? С тех пор мало что изменилось: Севостьян с огромным удовольствием понежился бы в кабинете за книжкой научно-фантастических рассказов, но его заставляли читать какого-то трансцендентально расфилософствовавшегося Кисляка, чьи комментарии не только ничего не прояснили для Лисичкина относительно практики равновесного плетения, но только ещё больше запутал. Севаа аж рассердился не на шутку на авторов методических рекомендаций:

- Вот ведь понаписал-понасочинял, сам-то хоть понял, о чём столько рассуждал, ну Кисляк-Колесниченко, ну... - тут до студента дошло, что он понятия не имеет, какие имена-отчества стоят за инициалами авторов. - Олег Олегович и Александр Яковлевич что ли?

Но поразмышляв немного, Лисичкин пришёл к выводу, что сердится

скорее на себя самого - авторов рядом не было и быть не намеревалось, а на бумажные листы и краску обижаться как-то даже смешно. Но Сева хотя бы усвоил для себя ряд важных моментов или показавшихся ему важными, решив отложить изучение всей остальной части, фактически заменявшей должностную инструкцию, как-нибудь на потом. Выйдя через дверь, он попытался спуститься вниз на лифте. Это ему удалось, но когда двери открылись, то его уже ждал один из сотрудников в сером костюме:

- Итак, молодой человек, куда это Вы наострились? Пройдёте. Инструкцию полностью изучил?

- М. Да. - зачем-то вяло соврал Сева. В конечном счёте, сказать так было гораздо проще, чем объяснять причину, по которой изучение полной инструкции было отложено на некое неопределённое будущее.

- Прекрасно-прекрасно. Ладненько. Раз изучил, то следуй за мной.

- Куда мы идём? - поинтересовался студент.

- Как это куда? В зал. Там же написано всё, в инструкции твоей. - недоверчиво покосился на Севу работник Центра, но сомнения вслух высказывать не стал, затем указал рукой на дверь - и створки двери отворились автоматически. - Проходите.

За дверями простиралось помещение, чем-то напоминающее зал довольно крупного современного кинотеатра в крупном городе.

- Вот здесь мы и тестируем наши снippets Фортунаскрипта. Одна из наших разработок, а этим занимается только лишь наше подразделение и никакое другое, это возможность расчёта процентной вероятности наступления всех базовых вариаций развития событий на Земле, их предсказание и корректировка - это самое важное. Мы способны посредством специально разработанного скриптового алгоритмического языка программирования, оказывать прямое воздействие на наступление тех или иных событий, точно так же, как и предотвращение других, поэтому сначала, перед внедрением фортунаскрипта или отдельного его снippetа в эксплуатацию, наш отдел занимается бета-тестированием с параллельным дебаггингом: мы для начала проверяем разработанные нашими лучшими специалистами алгоритмы на добровольцах, а затем уже запускаем ту или иную "генеральную линию", которая в опытах продемонстрировала наилучший результат.

- Каким образом вам удаётся влиять на события?

- Из Сферы Проекций, ясное дело. Это пространство чистой информации. Или энергии - как тебе угодно будет её понимать. На самом деле образ её восприятия совершенно не важен, важны лишь все

те фишки, которые Сфера позволяет нам, действуя изнутри Проекций, претворять уже в реальности. Попробую объяснить попроще. Когда ты делаешь что угодно в среде своей повседневной окружающей действительности, то ты действуешь не непосредственно, а в строгом соответствии с теми законами, которым соответствуешь сам по природе своего существования, что вовсе не доказывает абсолютность этих законов.

Как раз наоборот - самая твоя возможность существовать и жить выдавливает тебя таким искажением реальности на её многомерном полотне, придавая тебе только определённый набор черт и возможностей, ограничивающих твои собственные способности к взаимодействию с миром - ты можешь делать с образами окружающей тебя действительности лишь то, что относится к непосредственным частям этой действительности, из которых состоишь ты сам, и совершенно оказываешься неспособен делать ничего, что не является твоей собственно характерной чертой существования. С такой позиции весь процесс жизни человеческих существ, да и вообще любого самосознающего разума, сводится к череде отражения собственных граней в точно таких же гранях Реальности, причём на самом деле невозможно утверждать существование грани бытия и точно такой же грани человека.

На самом деле, каждая из этих граней существует лишь в единственном экземпляре, а собственно “человеческой” её делает именно тот факт, что она, отражаясь сама на себя, принимает свою зеркальную копию за элемент образа отдельного существа. И именно этот ограниченный набор и становится непреодолимой прослойкой между непосредственной информацией глобального взаимодействия и кажущимися себе отделёнными от этого взаимодействия существами, хотя это разделение мнимое: оно и возникает как раз в силу ограниченности набора свойств, который же и становится прослойкой сам для себя, подобно тому, как складка на шторах не бывает отдельной от штор и тотчас же исчезает, если эти шторы разгладить или растянуть.

Мало того, точно так же невозможно сказать, где заканчивается мир и начинается человек, как и невозможно утверждать, где заканчивается штора и начинается складка, хотя сама складка, если бы умела мыслить, вероятно, была бы несколько иного мнения о степени своей реальности. Когда-то давно, особенно на Западе, существовали печатные машинки с шаровым механизмом печати (в Советском Союзе чаще пользовались рычажковым механизмом, да не суть дело важно): при нажатии на клавиши металлический шарик поворачивался под тем или иным углом,

на котором выступала литейная форма-шаблон определённой буквы, далее шарик сквозь ленту припечатывался к бумаге, оставляя оттиск краски в форме нужного знака. Но ни при каких обстоятельствах невозможно было заставить машинку напечатать какие-нибудь другие знаки или буквы - оттиски для них просто отсутствовали на шарике, хотя в абстрактном смысле в мире существуют и другие знаки, и значки, и шрифты, и символы, и даже целые художественные картины. Но не на шарике печатной машинки. Вот и человек, прям как этот шарик, он может повернуться к миру только той или иной стороной, оставив только тот след, который в нём шаблонно заложен с самого рождения самой природой, но на при каких обстоятельствах люди не способны оставить ничего из отсутствующего в них изначально.

Если проводить более современные параллели, то сходным же образом работают и компьютерные программы: мало того, что их алгоритмы не безграничны, так они ещё и, как правило, не способны взаимодействовать с устройствами компьютера напрямую, а только через обращения к типовому набору функций операционной системы, которая также не обращается к устройствам напрямую, а лишь посредством специально написанного под каждое конкретное оборудование драйвера, делающего возможным необходимые взаимодействия, но, опять-таки, ограничиваясь возможностями заложенных в эти драйверы алгоритмов. Если так будет угодно, то Сфера Проекций - это своеобразный ассемблер Реальности, пространство прямого, а не опосредованного доступа к взаимодействию к ней, мы же все здесь вроде как драйверы. - с этими словами работник научно-исследовательского центра сделал небольшую паузу, довольно хмыкнул и рассмеялся. Спустя некоторое время, он продолжил:

- Но если Сфера - это ассемблер, низкоуровневый язык прямого взаимодействия, то Фортунаскрипт - это разработанный нами язык высокого уровня, весь смысл которого лишь в одном единственном: заставить печатные шарики определённых, нужных нам для тех или иных целей, людей, поворачиваться не под тем углом, под которым повернуть свой шарик хочет человек, а под тем, под которым поворачиваем мы, набирая строго определённый текст на канве всего Сущего. Печать рассказа судьбы - вот результат правильного срабатывания любого фортунаскрипта. Вся прелесть применения наших алгоритмов заключена как раз в том, что человек понятия не имеет о воздействии на себя со стороны и совершенно искренне полагает, будто все принимаемые решения тщательно обдуманы,

взвешены и исходят от него самого, тогда как они годами могут исходить из нашего Центра.

Иногда мы тренируемся просто на случайно выбранных обычных гражданах России, жизнь которых, как правило, не несёт глобальных широкомасштабных и глобальных последствий для существования всего человечества, и которые даже не подозревают об алгоритмизации и корректировке их судеб со стороны. Иногда - на добровольцах, хотя это не столь эффективно, у человеческого разума присутствует нечто наподобие механизма самозащиты, поэтому любое внедрение в судьбу объекта при условии осознания этим объектом факта воздействия, несколько...скажем так, искажает конечный результат, в зависимости от уровня воли и степени осознанности подопытного.

Но, конечно же, основной сферой применения фортунаскриптов были и остаются представители высших политических должностей, стоящие у руля нашего государства. В двухтысячном году, когда был запущен проект “Сферы” в рамках исследований, проводимых в стенах НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО, наша страна несколько изменила вектор своего развития в сторону большей самостоятельности и независимости. Все крупные дипломатические достижения последних лет, включая присоединение Крыма, являются результатом нашей неустанной деятельности на протяжении последних пятнадцати лет. Кстати, алгоритмизацией проведения крымского референдума и последующих правок законодательства занимался лично один из почётнейших наших сотрудников - Орфей Оскарович Кисляк, один из соавторов методички, которую ты только что прочёл. Во многом именно он совместно с Аврипигидием Яровратовичем Колесниченко и сумел просчитать все подводные камни, обеспечив успех проведённой политической операции тихо, мирно и без излишних жертв. А ты думал, с чем связано усиление нашей страны в последнее время?

Но мы оказываем и частные услуги, хотя они и не всегда срабатывают из-за излишней заинтересованности объекта применения скриптов. Нужно, допустим, какому-нибудь олигарху судьбу свою поправить или узнать, что произойдёт. Сейчас он точно не к гадалке идёт или, чего доброго, к финансовому аналитику, чур меня. Нет, олигарх идёт к нам - у нас здесь всё строго научно, по кофейной гуще и биржевым котировкам не гадаем, как видишь, с брокерами, риэлторами, домовыми, каббалистическими демонами и прочей нечистью тоже не водимся. Зато мы смотрим - и можем наблюдать все возможные негативные моменты в судьбе нашего заказчика. Вероятностный программный комплекс способен до сотых долей процента рассчитать

возможность наступления того или иного события в жизни каждого человека. Расчётом, кстати, занимается другой спецотдел - мы же только разрабатываем программы и правим судьбы. Это так, к слову.

И вот видит олигарх, что доходы падают и утекают к конкурентам, расходы же, наоборот, растут, а пока он тут впахивает, вкалывает и внюхивает, его благоверная ходит по клубам и там себя несколько нетяжело ведёт, в общем, образом, не подобающем для супруги богатого старпёра, по-кавалерийски оседлавшего нефтепровод, но так и не ставшего героем и образцом всей своей жизни - этаким клювастым дядюшкой Скруджем, купающемся в золоте, поскольку золотой эквивалент денег, как известно, был отменён в нашей стране ещё задолго до рождения этого самого олигарха, а искупаться в действительном современном финансовом эквиваленте - нескольких байтах записи в базах данных на серверах банка - представляется несколько затруднительной задачей, если, конечно, ты не Нео или Джонни-мнемоник. И тут олигарх доходит до точки кипения, идёт к нам и платит специфическое вступительное пожертвование на дальнейшие исследования, а мы вносим кое-какие правочки в его судьбоносный код.

Впоследствии оказывается, что конкуренты сталкиваются друг с другом, устаривают разборки в том же клубе, где по, конечно же, случайному стечению обстоятельств, оказывается и загулявшая супруга олигарха, в результате все перебивают друг друга, благоверная травится некачественной ешкой и помирает в клубном сортире от разрыва сердца во время начала стрельбы конкурентов своего мужа, а весь бизнес которых за жалкие пару десятков миллионов долларов продаётся с молотка и оказывается в руках у нашего заказчика вместе выигрышным лотерейным билетом этак на пяток миллионов рублей карманных расходов ради, да ещё престарелый его дядя самых честных правил, скоропостижно окончивший свой век, оставил ничего ранее не слышавшему о нём племяннику четырёхэтажную виллу на Карибах и достаточно здоровое завещание всего состояния и сундука драгоценностей впридачу, доставшегося на память о былых дядюшкиных подвигах под руководством Аль Капоне.

В общем, всё заканчивается хорошо и благополучно, прям в лучших экранных традициях американского мыла. Причём, по договору оказания услуг, мы имеем полное право потребовать десять процентов доставшегося олигарху состояния на развитие и совершенствование технологий научно-исследовательского центра. Тем примерно и живём. Теперь тебе понятна работа всей этой системы? Как видишь, наш

заказчик отнюдь не является профи равновесного плетения и даже понятия не имеет о том, что же это вообще такое, за него всё делает высокопрофессионально написанный нашими лучшими кодерами персональный фортунаскрипт.

Кстати, возвращаясь к практике. С точки зрения воздействия нашего языка судьбы практика равновесного плетения диаметрально противоположна по целям - она позволяет всеми возможными человеческому сознанию средствами противостоять вероятным сторонним скриптовым влияниям, выбирая, так сказать, каким бочком повернуться к миру и какой в результате текст напечатать в книге собственной судьбы, поэтому иногда ещё мы неофициально называем равновесное плетение “внутренним Фортунаскриптом”. В действительности, если вдуматься, то особой разницы между ними нет - только скрипты излучаются из Сферы Проекций, воздействуя на объект со стороны, а практика равновесного плетения осуществляется самим объектом, излучаясь изнутри него вовне.

Но в обоих случаях мы имеем дело с прямым влиянием на чистую информационную протоматерию, а учитывая, что, в конечном итоге отсекая всех возможных лишних сущностей бритвой Оккама, из этой же самой протоматерии состоим и мы сами, то все подобные изыски хитровыпендренного ума, как бы мы их не называли - скриптами или практиками - сводятся лишь к тому, чтобы заставить наше собственное естество снять маску и увидеть в отражении своё истинное лицо, сделав ему такую пластическую операцию, что никакая маска уже не потребуется.

И здесь весь выбор сводится к одному - либо у человека целый творческий коллектив хирургов-косметологов снимает маску во время беспробудного сна и делает ему пересадку лица, причём человек об этом так и не узнаёт, поскольку никогда не просыпается, либо каждый из таких хирургов-косметологов режет себя сам перед зеркалом в бодрствующем состоянии, и поэтому вся ответственность за получившийся казановый или квазимодый результат лежит только на нём самом. Надеюсь, моя метафора ясна? - сотрудник зала программирования вопросительно уставился на Севу. Тот неуверенно кивнул, в очередной раз обмозговывая уже начинающую не помещаться у него в голове свежавыжатую информацию.

На миг Севе показалось, что у него в голове перекачивается живой ком беспокойной овсянки, подтекающей то из левого уха, то из правого, и всё никак не находящий комфортного расположения своей варёно-зерновой сущности внутри черепной коробки студента. Но

лекция тут же продолжилась:

- Видишь ли, Сфера Проекций надстоит над человеческим миром. По идее, твоя повседневная жизнь - это всего лишь один-единственный слой её, просто ты отточил навык находиться именно на этом слое, ты с самого рождения отточил свой навык нахождения на слое, называемом тобою реальным миром, что стал настоящим мастером. Ты мастер настолько, что умудряешься никуда из собственного мира не соскальзывать, хотя переливаться и перекачиваться между слоями изначально гораздо проще для разума, нежели удержание в каком-то одном из них, что для действительности взаимодействия волн энергий видится даже как-то противоестественно.

Если бы ты соскользнул, то тут же оказался бы на одном из слоёв Проекций. В принципе, особой разницы нет, всё едино, граница только в человеческих головах - там, где заканчивается повседневность, начинается Сфера. Справедливо и обратное - там, где заканчивается Сфера, начинается повседневность. Но если бы люди их не разделяли, то оказалось бы, что вовсе не существует ни того и ни другого, а лишь только единое неисчерпаемое существование, весь смысл понимания которого сводится не к тому, чтобы как можно глубже проникнуть в него, а с точностью до наоборот - к тому, чтобы как можно сильнее отграничиться от его безразмерного сияния, поскольку энергии осознания, из которых всё и состоит, ограничиваясь до строго определённых конфигураций и форм как раз и образуют то, что мы называем формой восприятия, а стремление воспринимать всю Вселенную, конечно же, может быть достигнуто, но самоотражение Сущего само на себя и так присутствует постоянно, делая возможным для мира просто-напросто быть, а поэтому в безграничных своих пределах осуществление осознания всего существования оказывается равнозначным не-существованию отдельных его форм и отдельных сознаний.

Так уж устроен мир - жизнь в высшей степени своего проявления становится смертью, а из смерти путём сложения и усложнения элементов порождается новая жизнь и новое сознание. Поэтому человеку не следует стремиться быть чем-то ещё принципиально другим, гораздо лучше стараться максимально актуализировать и расширить то, что в него заложено первоначально по природе его человеческой. Только слой повседневности всегда казался человечеству маленьким, узким и крайне ограниченным своими многочисленными физическими законами, всеми силами поддерживаемыми людьми, отчего эти законы, теряя свою условность, становятся для каждого

человека абсолютными и непререкаемыми - так действует модальность информационного поля человеческого разума.

Помысленное миллиардами становится реальностью для этих миллиардов, даже если для чуждых форм разума, живущих в слоях Сферы по абсолютно другим законам, оно видится именно тем, чем и является - всего лишь мыслью. Но поскольку все слои взаимосвязаны между собой причинно-следственными связями, то запуск любых фортунаскриптов на нашем слое отражается непосредственными событиями на слое повседневности: мы не разрабатывали никаких специальных устройств-электрогипнотизёров и космических излучателей. Всё гораздо проще: мы просто сумели подстроить наши разработки под практическое применение извечного и открытого еще древними индусами свойства бытия, известного, как Закон Кармы. Именно посредством неё наш Центр исследований и осуществляет свою глобальную деятельность.

Мы транслируем судьбоносный код внутри нашего слоя, как тонкая плёнка бензина разливается по поверхности лужи, вот только лужа эта, можно сказать, расположена в небе и весь бензин её - не более, чем искусственно созданная форма тонко-переливчатых туч, отражающихся уже в лужах, разлитых по асфальту на Земле. И вот что поразительно: для луж, оказывается, нет никакой разницы, мираж ли их бензин или он действительно существует. Даже если его нет, лужа начинает воображать себе облик поверхности до тех пор, пока там действительно не появляется радужная плёнка, даже если она остаётся всего лишь иллюзией от отражения плывущих по небу закатных облаков, расцвеченных в те же краски. Так алгоритмы достигают своей цели, поставленной нами. Вот посмотри на экран, а точнее - на экраны. На них ты можешь увидеть многочисленных испытуемых и заказчиков.

Тут только Сева обратил внимание, на огромный экран, занимавший одну из стен зала и прям-таки нависающий над ним, что ещё больше придавало помещению сходства с кинотеатром. На экране отображалась сеточка из экранчиков поменьше, занимающая всю его площадь как по вертикали, так и по горизонтали, а на каждом из этих небольших экранов происходило определённое действие, разворачивались сцены, ходили всевозможные люди, причём полностью независимо и никак не взаимосвязанно друг с другом по сюжету. Всё вместе это походило на видеопоток с камер наблюдения где-нибудь в кабинке у охранника, только гораздо ярче, широкомасштабней, чётче и многоцветней.

На некоторых из этих квадратах вместо видео виднелся какой-то

высокоуровневый объектно-ориентированный программный код, напоминающий, насколько Сева позволяли судить его невеликие познания в области разработки софта, совершенно абсурдную помесь из операторов, циклов, вызовов методов и функций в Delphi, C++ и Python с веб-элементами синтаксиса HTML и вставками на Perl, PHP и Ruby. По-видимому, это и был тот самый пресловутый Фортунаскрипт, в подробности реализации которого студент решил сильно не углубляться. Человек в зале продолжал рассказывать:

- Наши специально обученные учёные-операторы пристально следят за процессом исполнения каждого из запущенных в работу фортунаскриптов, и если появляются хотя бы мельчайшие отклонения за пределы заданной программы, способные лавинообразно привести к очень и очень серьёзным последующим искажениям результата, то наши операторы внедряют корректирующие сниппеты, разработанные практически на все случаи жизни и постоянно совершенствующиеся, то есть такие маленькие клочки программного кода, влияющие на протекание процесса исполнения алгоритма.

По правде говоря, сниппеты составляют основу большинства создаваемых нами в настоящее время скриптов, даже весьма пространных по объёму и сложных по уровню проработки разнообразных мелких деталей. Сниппеты - это как бы кирпичики, из которых строится обитель судьбы, ну или буквы человеческих шариков, о которых я тебе рассказывал. Что же до конкретной цели, поставленной перед тобой, то на сегодня ты её выполнил. Можешь быть свободен, иди домой, отдыхай, учись. Если нам потребуются твои услуги - мы сами тебя найдём, тогда и начнёшь потихоньку равномерно плестись, прямо как в рекомендациях методических было указано. А будешь плестись неравномерно - не получишь впоследствии от нас ни шиша. Да ещё и пенделя тебе влетит. Не от нас уже, вовсе нет. Как бы это странно ни прозвучало, но от тебя же самого.

- Что значит, "от меня самого"? - удивлённо уставился на сотрудника Сева. - Я сам на себя пендель обрушивать не собираюсь!

- Увы, всегда так, вот увидишь, и это, как мне кажется, довольно логично: отдача от корявого применения равновесного плетения всегда настигает того, кто неправильно плетёт. Обижаться тут не на кого, ты же не обижаешься на третий закон Ньютона, если отскочивший от стенки шарик для пинг-понга, направленный туда твоею же зажатой в руке ракеткой, вдруг попадёт тебе в лоб или глаз? Ладно, всё, свободен, иди домой, я тебя отпускаю. - чуть агрессивно, с нажимом и иронической полуулыбкой сказал учёный.

- Как это “иди домой”? А где же обещанная оплата за сегодня, да и есть ли подобные полномочия у Вас, чтобы направлять мои действия? Я ведь честно выполнил ту работу, которая от меня требовалась! - возмутился Лисичкин. Меньше всего ему хотелось уходить отсюда без денег, которые у него, как у обычного студента, и так-то не особо водились, притом потратив половину своего выходного, между прочим, дня на какие-то непонятные размышления, лекции и манипуляции.

- О, вот уж в этом-то, ты даже не думай сомневаться, полномочия у меня, разумеется, есть. Деньги получишь на выходе на первом этаже. Там касса. Только сначала вернись в тело, будь так добр, проследуй до своего кабинета. - работник Центра сосредоточенно посмотрел студенту прямо в глаза, как цирковой дрессировщик или заклинатель змей своему объекту дрессировки. Или, как минимум, он вёл себя, как режиссёр на первом показе своего фильма.

Сева, покинув похожее на кинозал помещение, прошёл по коридору, открыл дверь собственного кабинета и увидел себя самого, сидящим на кресле в окружении проводов и многообразной электроники. Сначала он думал, что вернуться будет затруднительно, но стоило увидеть самого себя со стороны - и тут же произошёл на доли секунды провал в сознании. Этого оказалось вполне достаточно - спустя миг Севостьян уже бодро отцеплял от себя провода нейроинтерфейса и снимал гудящий и мигающий шлем виртуальной реальности, а ещё через минуту - сел в лифт, чтобы спуститься на первый этаж, где, действительно оказалась не просто касса, а целая бухгалтерия, занимавшая половину этажа.

В бухгалтерии ему безо всяких лишних вопросов выдали честно заработанные им десять тысяч рублей. “Ого, ничего себе! И это за прочтение какой-то методички, да и то не до конца, и беседу с местными работниками! Пожалуй, выгодное заведение, надо сюда наведываться периодически. Вот бы у меня в универе за каждую прочитанную в библиотеке методичку столько платили - я бы оттуда не вылезал”, - обрадовался Лисичкин. - “Странно, почему я раньше не замечал, что здесь у них бухгалтерия. Наверное, просто не интересовался.” Помахав рукой суровому усатому казакообразному охраннику, читавшему ещё пару часов назад Севе нотации о соблюдении правил информационной безопасности, Лисичкин, облегчённо вобрав полную грудь свежего воздуха, вышел на улицу и направился домой, то есть в общажную комнату, шагая счастливо и беззаботно, точно стал после посещения Центра легче раза в два.

С этого самого дня жизнь его понеслась по невообразимой и

поразительно насыщенной событиями траектории, причём, как отмечал и сам Сева, изменилась не сколько внешняя сторона жизни, сколько внутренняя: если до посещения НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО всё его студенческое существование напоминало зацикленное треньканье шарманки, настолько расшатанной, разболтанной и обветшавшей, что она оказывалась неспособна воспроизвести ни одной чистой ноты - к любому мажорному позвякиванию меди всенепременно примешивалось удушливое увядание минорных мотивов. Теперь же всё неожиданно стало совершенно иначе и севина жизнь вновь заиграла настоящими тонами самой себя, обретя вновь ту срединную самость сути, которую давно растеряла где-то одновременно с окончанием Севой детского садика.

Дело было, конечно же, не в самой жизни - она была и оставалась абстрактным явлением, вечным и неизменным в своём корне, как сама Вселенная, дело было в способности Севостьяна отражать это явление в себе самом, демонстрируя миру процесс собственной жизни именно таким способом, которым ему удавалось проводить эту демонстрацию вот уже на протяжении двадцати одного года, семи месяцев и девятнадцати дней, не говоря уж о часах, минутах и секундах, в которых не было бы изначально никакого смысла, если бы не вездесущая способность человечества выдумывать это смысл на пустом месте, породившая из небытия понятие о времени, на самом деле бывшем не более, чем отражением одного из свойств природы самого человека.

Несомненным для Севостьяна был и тот факт, что это самое прирождённое умение отражать процесс жизни вовне, из года в год менялась, представая перед миром постоянно под различным ракурсом, обязательно становившимся на момент такого показа лицом и фронтоном здания жизни, даже если год назад эта часть его свойств скромно поблёскивала плохо начищенной пуговицей где-то сбоку. Постоянное колебание ракурсов, накапливаясь со временем, превращалось в жизненный опыт, но вот предугадать, какой именно предстанет существование спустя несколько месяцев - весёлым или депрессивным, вдохновенным или скучным, неожиданным или предсказуемым - у Севы никак не получалось, поскольку тайна ювелира, делающего огранку и шлифовку кристалла жизни, оставалась закрыта от взора студента за пределами доступности его миропонимания.

Прочитанный им в застенках Центра текст всё никак не шёл из головы. “Может быть, практика равновесного плетения именно в том и

заключается, чтобы стать пауком, плетущим паутину, в которую попадают такие вот ювелиры?” - размышлял на досуге Лисичкин. - “Или, как раз, наоборот, её смысл в том, чтобы стать тем самым ювелиром? Или всё-таки пауком, прикидывающимся ювелиром, попадающим в свои собственные сети, расставляемые им в моменты, когда он не прикидывается ювелиром, а остаётся самим собой, то есть пауком? Или же искусство в том, чтобы быть ювелиром, прикидывающимся пауком именно с той целью, чтобы сплести паутину, в которую можно было бы попасться самому себе, поскольку если не прикинуться пауком, то откуда появится паустина, ведь ювелиры паутину не плетут, разве нет?”

Как бы там ни было, с жизненным пространством творились поразительные метаморфозы, словно некто невидимый взял клубок свиного опыта восприятия и отмотал его назад до состояния трёхлетнего возраста, при этом все последующие грани и знания никуда не испарились, зато ощущение жизни приобрело ничем не замутнённую, не опечаленную и не отягощённую ясность и пронзительность подвижной любопытности гиперактивного мальчика-детсадовца. Выглядело это так, словно Сева дотеле взирал на жизнь сквозь грязные окна, пыль с которых никто не протирал все двадцать один год его жизни, поэтому слой мутной пелены всё лишь накапливался, уплотнялся и разрастался, делая окружающий мир всё более тусклым и бесцветным сообразно со взрослением Севы, а тут вдруг кто-то не просто протер стёкла его настроений влажной фланелевой или бархатной тряпкой, но ещё и стырил эти стёкла для каких-то своих собственных ремонтных нужд, оставив студенту возможность взирать на пространные пейзажи открывающихся за окнами ландшафтов сквозь зияющие дыры пустых оконных рам и чистейший воздух открытых и доступных взору отражений его собственного ума.

Всё стало настоящим. Нет, конечно, и раньше оно было таковым, но вот именно сейчас это настоящее манифестировало свою природу самым пронзительным, если не сказать, назойливым образом, как бы крича: “ Я есть! Я существую! Посмотри, во мне важна и нужна каждая мелочь, на самом деле, каждая мелочь - это целая Вселенная!” Севостьян уже почти забыл, каково это - наслаждаться трелями птиц, проникаться каждой клеткой своего тела в аромат южных цветов, встречать лоснящиеся и горящие тысячами красок рассветы и закаты, различать даже в самой простой еде целый букет вкусов и послевкусия, как утончённый дегустатор, проникаться в произведения живописи и

скульптуры, забывая себя, оказываясь в замыслах творцов искусства всем своим естеством, чувствовать малейшие колебания настроений друзей и подруг во время беседы, видеть, что каждый камешек под ногами, каждая жилка насыщенно-изумрудных листков растений, каждый кажущийся беспорядок природных случайностей - на деле - одно из многочисленных улыбок изысканной драгоценности, имя которой - заведённый порядок вещей бытия, пронзающего Севу до самых первооснов уже его существования, да и он сам, если вдуматься, был всего лишь одним из танцоров глобального и вечного вальса на неугасающем балу мироздания.

Даже в музыке, которую он слушал от случая к случаю, не считая чем-то особенно интересным, захватывающим и интригующим, Лисичкин начал различать тысячи созвучий в десятках параллельно звучащих партий на далеко отстоящих друг от друга октавах, перетекающих из одной в другую, точно механизм всей этой звучавшей ранее где-то на заднем и дальнем фоне внимания певучей какофонии, являл отныне все детали, схемы и чертежи, раскладываясь в севиной голове на стройную последовательность математически выверенных алгоритмов. И что это за была музыка! Теперь Севостьяну попадались лишь мелодии и песни его любимых исполнителей, причём самые лучшие и проникновенные из композиций, но он мог бы поклясться чем угодно, что никогда ранее этих композиций не слышал.

Ему даже пришла в голову мысль, что понимание музыки - явление сугубо общественное, поскольку вне зависимости от того, что он слушал - рок, классику, сайтранс или гимн - корень всех произведений этой эмоциональной звукописи был един и произрос из интонаций человеческого голоса, выывая в слушателях настроения радости, бодрости или возвышенности ровно посредством того же самого механизма, которым удавалось влиять на умы и мысли экспрессивным восклицанием и волнующему шёпоту театральных актёров, школой которых изначально было само человеческое общество. Иными словами, умеющего лишь рычать и чирикать Маугли было бы абсолютно бесполезно пытаться приучать к высокой культуре, давая ему слушать классические сонаты и фуги - для ребёнка, выросшего среди джунглей, сказочные переливы сочинений классиков не были бы эмоционально окрашены вообще никак, с тем же успехом можно было бы пытаться его воспитывать, включая записи пилорамы, пылесоса или сливного бачка.

Но поскольку восприятие музыки - это функция, зависящая от языка и лежащая в тени его интонационных особенностей, то и умение

чувствовать музыку различается у разных народов ровно в той же степени, в какой различаются смыслы интонаций в разных языках - так, мелодия, услышанная англичанином, вызовет у него дин набор эмоций, и несколько иной, например, у японца или китайца. По той же самой причине близки оказываются стили народных напевов у этнографически и лингвистически близких друг другу национальностях, но, в то же время, сильно отличаются у народов, принадлежащих вообще разным языковым семьям. Стоило лишь сравнить залихватски-ковбойское кантри у американцев, неторопливо-хороводные клюквенные “берёзки, малинки и калинки” в нашей стране и китайскую пентатонику - сразу же связь языка и музыки становилась очевидной. Почему-то до посещения Центра Сева в голову такие мысли не приходили.

Да и вообще, ощущения, настроения и чувства, ежесекундно посещавшие Лисичкина, вихрями сменяя друг друга, были настолько непривычной интенсивности, что он начал подозревать, что ему в Центре грешным делом ввели во время обучающего сна какой-нибудь долгоиграющий психоделик, что также могло быть частью эксперимента в рамках проводимых там научных исследований, однако внимательно прислушавшись к своим мыслям, не терявшим ясной логичности, последовательности и упорядоченности, Сева отбросил эту мысль как заведомо бредовую и параноидальную, да и со времени посещения Центра прошёл уже почти месяц - так долго действовать не было способно ни одно даже самое засекреченное военными вещество, однако же и никакого другого логического объяснения своему зашкаливающему счастью, свалившемуся как с небес на голову, студент также не находил.

“Может быть, я стал одним из тех, к кому применили фортунаскрипт?” - с завидной регулярностью промелькивала в голове у Лисичкина мысль, но развивать её почему-то не хотелось, поскольку в таком случае следовал единственный и неумолимый вывод о том, что это искусственное счастье скоро закончится, как заканчивается исполнение набора команд в пакетных файлах винды, как раз в это время изучаемых Севою на университетских лекциях по информатике. Происходящие изменения затрагивали не только внутреннюю сторону жизни и область его настроений - если бы это было так, то психология (или психиатрия - чем чёрт не шутит?) оказалась бы способна найти объяснение вездесущему позитиву, а если бы и не нашла, то придумала бы точно - от банального возрастного кризиса, переосмысления жизни и гормонального сбоя до какой-нибудь экзотической гипоманиакальной

стадии цикломатического синдрома.

Однако изменения происходили и во внешней, вроде бы объективной среде, имеющей мало отношения к творящимся в голове процессам, будь то змеящиеся клубки заморочек или нега запредельной радости. Сначала открытием для Лисичкина стало окончание второго семестра с круглым отличием, при этом заваленный им семинар почему-то не учитывался. Буквально через несколько дней ему, как университетскому отличнику, предложили поехать летом в санаторий за счёт вуза на пару недель, еще через день им как-то уж слишком активно стала интересоваться первая красавица на всём четвёртом курсе Кристина, вообще раньше не замечавшая Севу и не желавшая с ним общаться, и этот интерес даже успел перерости у них в весьма бурную дружбу. Затем Севостьян с удивлением узнал, что его из старой полу-аварийной комнаты с облупившимися стенами и потрескавшимся потолком переселяют в только что отстроенную новенькую общагу с евроотделкой - всё это было таким бесхитростным, простецким и мелочным, но всё же настоящим удачливым счастьем.

Прошло ещё около месяца - и полностью вступило в свои права жаркое засвеченное лето, осеняющее каждого жителя той климатической зоны, в которой обитал Севостьян, своей нестерпимой засушливой духотой резко континентального климата. Позади остались экзамены, а впереди - возвращение в родной город, короткое расставание с подругой Кристиной и последующая поездка с ней же в предложенную универом рекреационную зону санатория на берегу горного озера. Потянулась череда весёлых дней доброй летней лени и уверенного ожидания чего-то неопределённого - светлого, лучшего и захватывающего, какого-то сюрприза судьбы, теперь уже постоянно и неизменно улыбающейся Севостьяну до самых ушей. И сюрприз действительно произошёл.

В тот день, шестой день пребывания на курорте, Лисичкин со своей подругой отправился на прогулку по горным окрестностям санатория, и уже часа три расхаживал по хвойному лесу на свежем воздухе, любясь периодически попадающимися на пути древним пещерам - бывшим обителям ранних кроманьонцев, реликтовым деревьям возрастом в несколько веков, распластавшим по скалам многометровые щупальца серебристых корней, да открывающимся с головокружительной высоты видам далёких, подёрнутых синеватым туманом, пиков гор, поросших такими же мудрыми и старинными скрипучими елями. Сева с Кристиной неторопливо шли по одному из предложенных в доме отдыха маршрутов, пересекали какие-то узкие речушки, почти что

ручейки, через которые были проброшены раскачивающиеся на ветру и под весом пешеходов подвесные мостики, вдыхали ароматы краснокнижных цветов и проникались этой невообразимо прекрасной, гармоничной и первозданной атмосферой нетронутой человеком природы непуганных птиц и непримятых трав.

Вдруг внимание студента привлекла каменная площадка на вершине ближайшей скалы, куда почему-то его потянуло с невообразимой и неподдающейся никакой логике силой. В этом нависающем над верхушками древних деревьев гранитном утёсе мерещилось что-то мистическое и таинственное, и в то же время, до боли ностальгическое, вызывая у Севостьяна щемящее сердце чувство дежа-вю.

- Пстой здесь, я сейчас, скоро вернусь. - обратился Лисичкин к подруге. Кристина подумала, вероятно, что её друга приспичило посетить ближайшие кусты, поэтому не стала перечить, однако Сева, вместо этого, принялся проворно карабкаться скалистую вершину в сторону нависающей платформы. Когда цель была достигнута, ему открылся невероятной красоты пейзаж: прямо рядом, уцепившись корнями за боковую грань гранитной плиты утёса, росло тонюсенькое хлипковатое деревце, на которое даже жалко было смотреть, зато далеко внизу, видимый как с крыши тридцатиэтажной высоты, простиралась тёмно-зелёная чаща, топорщущаяся махровыми и игольчатыми зазубринами своих хвойных верхушек, ровно под Севой, на сияющей драгоценностями цветущих трав ароматной поляне, кружили точки вечно занятых букашек и бурлил ледяной родник, бивший прямо из-под скалы. Чуть поодаль, за лесом, голубым язычком, торчащим из горизонта, поблёскивала чуть рябая гладь озера, на берегу которого стоял санаторий, сейчас не видимый из-за высоких стволов деревьев. Вид завораживал и вызывал наплыв детских воспоминаний и ассоциаций.

Вдоволь налюбовавшись и уже собираясь начать спускаться по дорожке к скучающей внизу Кристине, Сева услышал едва различимый шорох, как будто где-то просыпался песок. Когда же источник звука стал ему очевиден и понятен, то болезненный и многократно усиленный ужас сковал тело морозными иглами. Это чувство было поистине безграничным и всепоглощающим, напоминая разве что всю ту невыразимую гамму эмоций, которую испытывает дрожащий от страха темноты ребёнок. Доли секунды потребовались плоской плите, на которой любовался пейзажами студент, чтобы, нарушив хрупкое равновесие, сорваться и полететь вниз. Сквозь истеричный крик подруги, наблюдавшей всю эту сцену со стороны, Севостьян успел

подумать, как в замедленной съёмке наблюдая около себя скользящую вверх гранитную стену, насколько же глупо было вот так бездумно потерять жизнь, которая и дилась-то по-настоящему всего два последних месяца, тогда как всю предыдущую жизнь он, кажется, проспал в однообразной круговерти колеса, вращаемого белкой-зомби, вырабатывающей таким способом электричество для включения аппарата огранки камня судьбы ювелиром разума, ловящимся в сети выдуманного паука.

“Весь ужас сложившейся ситуации”, - хаотически мелькали мысли в голове у Лисичкина. - “даже не в том, что я сейчас вдребезги разобьюсь, а в том, что паук, ювелир и белка - это, на самом деле, одно и то же существо”. В этот момент скала достигла поверхности Земли и стоявший на ней в свободном падении невесомости Сева моментально повалился с ног. Странное дело, но он не ощутил никакой боли - но в то же время не мог пошевелить ни одним пальцем и вообще не чувствовал тела. Он ожидал увидеть яркий белый свет в конце туннеля, ангелов, бесов, маленьких зелёных (или синих) человечков, кошмарных астральных сущностей, пришедший его забрать - всё, что угодно, но вместо этого заметил, что мир просто застыл. Пролетавшая в небе чайка повисла, будто была декорацией на ниточках заклинившего механизма, ветер пригнул травинки на поляне - они так и остались согнутыми, как будто некто их опрыскал в эту секунду моментально застывающим лаком для волос, а над травами, подобно чайке, жирными и чуточку мохнатыми точечками поблёскивали пчёлы, шмели и мошки. Даже волны протекавшего рядом ручейка точно бы заледенели.

Это продолжалось всего секунду или две - срок вполне достаточный, чтобы Севостьян успел удивиться такому совершенно неожиданному окончанию собственной жизни, но недостаточный, чтобы успеть разглядеть подробности законсервировавшейся картины природы, будто сошедшей с полотен Шишкина. Лисичкин даже успел осознать мысль, которая так и осталась чистым пониманием, не оформившимся в слова, но означавшим нечто наподобие: “Может быть, такая она и есть - смерть? Просто растянутый в бесконечность последний миг жизни, который теперь будет длиться вечно и в который уже никогда и ничего не произойдёт?”

Мысль самым бестактным образом прервал громкий властный голос, донёсшийся сразу со всех сторон: “Довольно. С него хватит. Пора и честь знать.” За голосом последовало резкое и неприятное изменение гравитации, похожее на перегрузку во время восхождения самолёта к небу или, как минимум, во время начала движения скоростного лифта

вверх. Ещё через секунду кто-то что-то снял с севиной головы, как шапку, и студент, тяжело дыша и с режью в глазах смутно увидел оборудование кабинета в НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО. Собственно, это и был тот самый кабинет, из которого он два месяца тому назад отправлялся в Сферу Проекций, чтобы прочитать методичку и побеседовать о фортунаскриптах.

- Аааааах. - только и сумел простонать Севостьян.

- Вставай, страдалец...или счастивец, рабочий день закончился, пора домой. - стоящий рядом человек нетерпеливо показывал на часы.

- Как я здесь оказался, почему я не погиб? - студент ошарашенно озирался по сторонам.

- Как оказался? А то сам не помнишь - ножками к нам пришёл восемь часов тому назад. А почему это ты решил погибнуть? Мы только безопасные эксперименты проводим, это ты зря так говоришь.

- Я со скалы упал. Только что.

- В курсе уже, хотя в нашем скрипте этого не было, к слову сказать. Ну да мало ли что там тебе почудилось.

- Но два месяца...

- Восемь часов, господин Лисичкин, восемь часов, не два месяца. К тому же сейчас, как ты помнишь, поздняя осень, а у тебя какое время года было, а? Жаркое лето. Мог бы и сам догадаться, что отдельные детали немного не стыкуются. Но ты воспринял лето как должное.

- Может быть, мне хоть ктонибудь объяснит, что вообще происходит? - начал раздражаться Сева.

- Вот так всегда... - смиренно вздохнул человек, в котором студент признал одного из сотрудников Зала алгоритмизации. - Тебя погрузили в Сферу Проекций, где ты ознакомился с азами управления ей силой сознания, когда ты покинул наше помещение с экранами, мы, как и предполагалось, запустили тебе вслед один из наших фортунаскриптов на бета-тестирование. Естественно, мы тебе об этом ничего не сказали - если бы ты знал, эксперимент не мог бы считаться чистым. Исследованию подлежала проверка на наличие ошибок и степень корректируемости фортунаскрипта практиками равновесного плетения, однако в твоём случае они приняли единый вектор воздействия, только усиливая друг друга. Собственно, бета-тестирование и предполагает виртуальную проверку алгоритма в безопасной “песочнице” Сферы до его реального внедрения в жизнь.

- Но я точно помню, что пробуждался уже в этом кабинете, снимал оборудование, шёл домой.

- О, ложное пробуждение - один из излюбленных нами приёмов и

сниппет применённого к тебе фортунаскрипта. Позволяет переложить основную работу с наших фортунакодеров на подсознание испытуемого. Мы же не знаем, как, например, выглядит твоя общажная комната изнутри или твоя выдуманная подруга Кристина без одежды. Ну теперь-то знаем, хехе, мы за всей твоей жизнью в Сфере наблюдали с наших экранов, такое, знаешь ли, реалити, точнее, виртуалити-шоу. За некоторыми испытуемыми наблюдать бывает очень и очень интересно.

Сева густо покраснел и поспешил сменить тему, задав вопрос:

- Но ведь всё было таким ярким, таким реальным до мелочей, всё было совсем, как в жизни.

- Ага, как в жизни, только ещё лучше, да ты заметил. Весь тот мир создал ты сам - и именно потому, что не знал факта своего нахождения в Сфере. Ложное пробуждение - отличный способ обмануть собственный мозг, заставив его показывать тебе именно то, что ты ожидаешь увидеть. Именно до мелочей. На деле, там не было никаких ограничений или физических законов, но их ты тоже создал сам, скопировав из повседневной действительности. Говоря точнее, ты скопировал даже не сами законы, а только твой личный способ взаимодействия с ними в реальном мире.

В Сфере Проекций, если ты не можешь пройти сквозь стену, то это вовсе не означает, что она плотная и материальная, мало того, это даже не означает, что стена вообще существует. И если ты прыгаешь и не улетаешь в небо, то это вовсе не доказывает, что на тебя там действует хоть какая-то сила гравитации, просто ты привык, что обычно с тобой происходит именно так. Единственная причина, по которой ты в почудившиеся последние два месяца жизни не прожигал взглядом стены, не телепортировался и не превращался в других людей или даже животных заключается в том, что тебе и в голову не приходило, что так можно делать, ведь ты думал, что вокруг - реальность.

Мы здесь - лишь сценаристы, направлявшие сюжет потока твоих видений, создававшие оболочки, трафареты, эскизы в подсунутых тебе персональных раскрасках. Подлинные же шедевры на основе намеченных нам засечек создавал ты сам, вернее, твой разум. Что же до яркости чувств и пытлиивости гибкого и ясного ума, как в детстве, то они типичны для состояния нахождения на слоях Проекций, проявляя себя почти всегда - всё таки Сфера - это изменённое состояние сознания, и в нём сокрыто ещё немало тайн, загадок и возможностей, которые только ещё предстоит познать будущим исследователям.

Одно мы знаем определённо: когда ты путешествуешь по Проекциям, твой разум настроен эволюционно ближе к корню, его

породившему когда-то в Первобытности. Это очень и очень древний мир власти бессознательных и архетипических сил, с которыми человечество когда-то плотно общалось много тысяч лет тому назад, но с развитием цивилизации заменило возможности своего мозга функциональностью техники, почти напрочь позабыв о том, как путешествовать в Бесконечность. Мы же, можно так сказать, подобно доисторическим жрецам, возрождаем эту способность, только уже на современном уровне и без излишней мифологизации. Хотя, кто знает, быть может, мировоззрение современного человека есть ничуть не меньший миф, чем основа мировоззрения древних греков, египтян или шумеров?

- Я же провёл там два месяца, как так? А сейчас Вы говорите, что прошло всего восемь часов и ничего не было. - Сева решил не сдаваться до тех пор, пока не узнает ответы на все интересующие его вопросы, и поэтому гнул свою линию.

- А это одна из самых пугающих особенностей наших исследований. Пугает всех новичков. Время в слоях Проекций течёт гораздо быстрее, чем в повседневном реальном мире. Ты можешь провести в Сфере полжизни, а на деле пройдёт не больше месяца. Если, конечно, ты сможешь целый месяц ничего не кушать, не пить чаёк и не посещать уборную. У некоторых далай-лам получается даже безо всякого оборудования, но у нас в Центре на один далай-лама не работает. Вот засядут где-нибудь в тибетской пещере, и сидят так лет по четыреста, сушатся. Представляешь, сколько лет проходит по их внутреннему времени? Мне жутковато такое представить.

- Надо же, столько событий - и всё лишь игра бессознательного? - Лисичкин уже смирился с иллюзорностью произошедших с ним событий, успокоился и теперь лишь пытался обмозговать услышанное.

- Увы и ах. Но нам пора. Из-за тебя, Севостьян, я, между прочим, был вынужден задержаться на работе. Пойдём. Не забудь получить оплату за честно проведённый на работе день. Бухгалтерия на первом этаже. Ты увидишь.

Студент встал, разминая тело, затёкшее от долгих плутаний по закуткам разума. Бухгалтерия действительно оказалась на первом этаже, причём ровно там же, где он её и видел, когда получал десять тысяч, думая, что очнулся. На этот раз оплата была более скромной - но и более реальной за восемь часов фактически бессознательной деятельности - ему заплатили всего пятьсот рублей. Но ему уже было всё равно, он чувствовал себя уставшим и психологически истощённым, единственное, что его занимало, так это как бы поскорее забыть всё,

произошедшее с ним в Центре и вернуться в успокаивающую своей предсказуемостью и повторяемостью круговерть повседневной бытовой жизни.

Когда же Сева покинул помещение, то его взгляду предстал удивительный вид: вокруг не было даже намёка на пригород, а от закрывшейся двери за спиной только она, собственно говоря, и осталась - дверной косяк и вставленная в него дверь, которую можно было бестолково открывать туда-сюда. Бестолково потому, что дверь стояла в поле и всё равно никуда не вела. По океану духмяных трав, окружавшему студента, плыли какие-то выдолбленные из цельных стволов старых деревьев лодки, в которых сидели раскрашенные в яркие цвета аборигены-дикари, похожие на коренных австралийцев. Небо же являло подобие увеличенного через линзу дна аквариума, хозяин которого явно тяготел к экзотике и попытался воспроизвести некоторое подобие флоры и фауны Индийского океана. Под ногами то и дело путались кряжистые и узловатые карлики приземистых бонсаев, напоминающих здесь не сколько результаты японского искусства выращивания миниатюрных деревьев, сколько стелющуюся по вечной мерзлоте тундровую растительность. Вдалеке высились громады секвой, оплетённых замшелыми лианами, в которых виделось или же просто мнилось какое-то смутно различимое животное шевеление.

Рядом с Севостьяном, на самой периферии его зрения справа, обозначилась какая-то плотно-зыбкая тень, на которой всё никак не удавалось сфокусировать зрение из-за мелькающих чуть поодаль аборигенов на лодках, когда же это удалось, то тень вдруг оказалась блондинкой Кристиной, тотчас же бросившейся Севе на шею и принявшей его обнимать. Но Севостьян был задумчив, как никогда.

- Скажи, Кристя, когда это всё закончится уже? - спросил он у девушки.

- Что закончится? - Кристина изобразила удивление на лице.

- Эксперимент когда закончится?

- Откуда мне знать? Ты же и сам прекрасно понимаешь, что меня не существует. - подруга хитро улыбалась Севостьяну.

- Вот именно это-то меня и волнует. Тебя не существует, а я тебя вижу так же реально, как и любого другого человека. А я уже хочу, наконец-то, перестать видеть того, чего не существует, и видеть только то, что действительно есть. Хватит с меня экспериментов на сегодня.

- А откуда ты знаешь, что есть на самом деле, а чего нет? И сколько уже длится по времени это твоё “сегодня”?

- Что ты подразумеваешь, Кристя?

- Я хочу сказать, откуда тебе знать точно, что вся твоя жизнь, на самом деле, не всего лишь ещё один из беспристрастных научно-исследовательских экспериментов, проводимых в НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО? Или, быть может, вся наша цивилизация - это лишь самадхические видения далай-ламы, четыреста лет медитирующего высоко в горах Тибета, и каждый из нас возникает на мгновение здесь и сейчас, именно в тот самый момент, когда фокус внимания трансцендентального сознания мудрого восточного старца полностью сосредотачивается на каждом из нас, и именно этим актом своего сосредоточения создавая нас и всю кажущуюся историю нашей жизни, но лишь до тех пор, пока его внимание не переключится на что-то другое, создав это что-то другое, а нас растворив в небытие тени его разума.

Именно поэтому всё и всегда существует лишь здесь и сейчас - миг назад его ещё просто не было, а ещё через мгновение его уже не будет, но узнать об этом будет тоже некому, поскольку нечто способно знать только о том, что оно существует уже в силу того, что оно существует. А то, чего не существует, знать о том, что его не существует не способно именно потому, что его не существует.

- Умеешь ты радовать, Кристина. И успокаивать тоже. Думаешь, мне после твоих слов легче стало?

- Это не я. Я тут вообще ни при чём. Это ты сам себе наговорил. Нагрузился и запутался тоже ты сам. Меня же нет. Забыл?

- Я просто хочу понять, что есть что. Вот и всё.

- Тогда лучше не задумывайся о подобных вещах: чем больше будешь задумываться, тем только хуже себе сделаешь. Всё, что ты можешь понять - это отражение твоего собственного эмпирического опыта, полученного от органов чувств, которые, как известно, врут. Причём, как и все мошенники, врут они настолько правдоподобно, что ты и веришь, точнее, веришь не ты, а верит, ежесекундно получающее этот поток вранья, некое, отождествляемое с тобой, представление о "Я", существующее не само по себе, а только как отражение самого себя вовнутрь себя же, порождающее, опять-таки, себя.

Хотя если внимательно посмотреть, что же именно там такое отражает и отражается, то не обнаружишь ничего, кроме системы хитро вывернутых кривых зеркал, постоянно искажающих действительность так, что это самое "Я" образуется именно из их кривизны и в силу их кривизны. Получается, что тот водопад вранья, который постоянно обрушивается на тебя секунда за секундой - это и есть ты сам, а что же касается секунд, то и они существуют исключительно в силу того, что

одно враньё в потоке тебя сменяет другое вранье. Так устроен мир человеческого восприятия. Поэтому наш с тобой счёт один - один. Точнее, ноль - ноль, поскольку тебя не существует ровно тем же способом, как и меня. Впрочем, есть только способ существовать. Не существовать способа нет. Так с чем ты там решил разобраться?

- Подожди. Кристина. Мне надо сосредоточиться, ты меня своими рассуждениями только ещё больше запутала. Как же меня не существует, если вот он - я? Хотя, если смотреть с другой стороны, то тебя ведь и впрямь нет, а вот она - ты. Давай по отдельности. Вот дикари плывут. Кто или что они? Откуда они взялись?

- Откуда-то из глубин твоего потока вранья всплыли. - чуть насмешливо улыбнулась Кристина. - Я не могу тебе ответить, что за явление эти плывучие аборигены. Зато я могу показать тебе, кто я.

- Давай. Покажи. - Сева дошёл до такой кондиции, что не возражал бы в том случае, если бы ему прямо на голову вдруг свалилась водородная бомба.

- Да пожалуйста. Сам напросился. - с этими словами девушка превратилась в огромный и ярко светящийся пузырь шипяще-клокочущей энергии и быстро улетела за горизонт, где высились великаны секвой. Сева же, стараясь уподобить свой разум водной глади во время штиля так, чтобы в нём не проскакивала ни единая мысль, отрешённо поплёлся сквозь поле куда глаза глядят, уворачиваясь от лодок австралийских аборигенов, снующих среди колосющегося разнотравья поля по каким-то лишь одним им ведомым делам.

*Белоусов Роман,
14 сентября 2015 года*